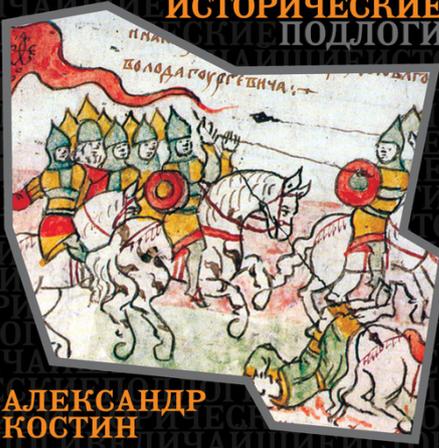


ВЕЛИЧАЙШИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОДЛОГИ



АЛЕКСАНДР
КОСТИН

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ -
ПОДДЕЛКА
ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Александр Георгиевич Костин
Слово о полку Игореве
– подделка тысячелетия
Серия «Величайшие исторические подлоги»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7366898

*Слово о полку Игореве – подделка тысячелетия / Александр Костин.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0760-7*

Аннотация

Более двухсот лет прошло со дня публикации литературного шедевра «Слово о полку Игореве», но авторство великого произведения установить так и не удалось. В захватывающую, едва ли не детективную историю вовлекается читатель с первых страниц книги.

Первое упоминание о «Слове» датировано 1797 годом. Рукопись «Слова» сохранилась только в древнерусском сборнике, приобретённом в начале 90-х гг. XVIII века одним из коллекционеров графом Алексеем Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита упразднённого к тому времени Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иоиля. Единственный известный науке средневековый текст «Слова» сгорел в 1812 году, что дало повод сомневаться в подлинности произведения.

Автор книги А. Костин доказывает, что «Слово о полку Игореве» – величайшая подделка в истории русской литературы. Оказывается, «Слово» было написано не в XII веке, а на 500 лет позже.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Георгиевич Костин

Слово о полку Игореве

– подделка тысячелетия

Светлой памяти выдающегося советского историка Александра Александровича Зимина, «вычислившего» одного из «Троянов» – коллективного автора «Слова о полку Игореве», – посвящается.
«Испытание “Словом...”» Очерки А. Л. Никитина

Предисловие

Воспитание «слоВом»

В Советском Союзе (России), наверное, каждый человек рано или поздно, в той или иной степени, соприкасался с поэтической жемчужиной – «Словом о полку Игореве», далее для краткости будем говорить о «Слове». Произведение изучалось в 8 или 9 классе средней школы на уроках «Русской (Советской) литературы», а поскольку в стране практически была решена задача всеобщего среднего образования, то послевоенное поколение советских людей не только читало «Слово», но отдельные его фрагменты заучивало наизусть. Старшее поколение людей слышало о «Слове» от своих детей и внуков, когда те «проходили» «Слово» согласно школьной программе, заучивая отдельные фрагменты наизусть. В течение всей своей жизни мне не приходилось встречать ни одного человека, который бы абсолютно ничего не знал об этом шедевре. Мало того, всякий раз, когда по той или иной причине возникал разговор о «Слове», окружающие тебя люди замолкали разом, лица людей облагораживались и после небольшой паузы кто-то обязательно, сначала тихонечко, как бы вспоминая что-то близкое, заветное, начинал декламировать: «Нелепо ли ны бяшетъ, братие...» и т. д., кто сколько мог, вспоминал заученные когда-то наизусть в школе бессмертные строки зачина «Слова». Затем начинался шумный разговор на тему – кто может больше вспомнить строк памятника старины. Кто-то пытается наизусть прочесть «Плач Ярославны», другой с «пятое на десятое» пытается пересказать «Мутный сон Святослава» и т. п. Иногда в такой компании «попадался и настоящий «словолюб», который под всеобщее одобрение зачитывал наизусть целые фрагменты из повести, а затем делился своей радостью, что недавно по случаю приобрел редкий экземпляр такой-то книги о «Слове», с текстом «Слова» и обширным комментарием к нему. Иногда между участниками этой, стихийно возникшей дискуссии завязывались дополнительные связи, как то: у кого-то оказался на руках редкий экземпляр книги о «Слове», и он с удовольствием даст ее почитать или снять ксерокопию; у кого-то вообще оказалось два «двойника» некоей книги со «Словом», и он может уступить один экземпляр и т. д., и т. п. Расходились после подобной дискуссии, немного стесняясь друг друга, что чуть было не впали в детство, с одной стороны, и в то же время как бы повязанные друг с другом невидимыми нитями светлой памяти о своем прошлом, о своей родине – с другой.

Мне здорово повезло на самом первом этапе знакомства со «Словом», которое состоялось на первом уроке литературы в 8-м классе. Наш классный руководитель, он же учитель литературы, Анатолий Анатольевич, зашел в класс в каком-то приподнятом настроении в тщательно отглаженной полувоенной «форме одежды» (он был участник войны и инвалид II группы, потерявший на фронте правую руку и левый глаз) и торжественно заявил, что сегодня мы приступаем к изучению литературного памятника Древней Руси – «Слова

о полку Игореве». Потом он как-то вдруг преобразился, встал к классу полубоком, вскинул вперед свою единственную руку и начал наизусть читать: *«Нелено ли ны бяшетъ, братие...»*.

Класс затих, слышен был только шорох листьев за открытыми окнами (было начало теплой осени) да жужжание пролетающих мух. Мне казалось, что притихшие ученики, равно как и я сам, думали и переживали за то, не забудет ли А. А. какую-нибудь строку и не станет ли заглядывать в учебник. Где-то на 10-й минуте урока это чувство исчезло, и теперь все внимание было сосредоточено на том, чтобы вникнуть в слова этой песни, понять хотя бы отдаленно их смысл. Слова завораживали, звали в какую-то неизвестную даль, казалось даже, что они гипнотизировали нас. И когда было произнесено слово «Аминь», казалось, что класс вздрогнул, очнувшись от гипнотического сна, еще минута – и раздалась оглушительные аплодисменты. Класс встал, провожая учителя, поскольку на этом урок был окончен. Все сделали вид, что не заметили, как А. А., выходя из класса, прикладывает своей единственной рукой белоснежный носовой платок к своему единственному глазу. Видимо, многое вспомнилось ему, пока он в течение 45 минут вводил нас, сельских мальчишек и девчонок, в священный мир героического эпоса русского народа, концентрированно воплощенного в нескольких страничках невзрачной на вид книжицы, которую он, видимо на всякий случай, держал перед собой в левой руке.

Потом, гораздо позже, уже в 10-м классе, на одном из уроков кружка «словолюбов», который в течение трех лет вел А. А., он рассказал историю появления у него в левой руке на первом уроке по «Слову» той самой «невзрачной книжицы». Оказывается, учитель прошел с этой книжицей всю войну, поскольку получил ее вместе с винтовкой в первый же день пребывания на фронте. Как боевую реликвию, мы передавали ее из рук в руки, кто-то даже понюхал, не пахнет ли она порохом той страшной войны. Обратили внимание на то, что брошюра выпущена в 1941 году военным издательством, на последней странице которой было оттиснуто: «Бесплатно».

Я вздрогнул, когда в середине 70-х годов в журнале «Наш современник» прочитал следующие строки из эссе «Память» В. Чивилихина: **«К сожалению, нет у меня первого военного издания «слова» с пометкой «бесплатно», которое выдавалось политрукам, командирам и бойцам перед уходом на фронт вместе с оружием...»**¹. Дело в том, что много лет спустя после «счастливых школьных годов», уже в довольно солидном возрасте, повинувшись ностальгическому чувству по «малой родине», я посетил родные места и родную школу, из которой вышел убежденным «словолюбом». В школе по-прежнему работал кружок «словолюбов», члены которого попросили меня выступить с воспоминаниями о своих школьных годах, о том, как был организован этот кружок, который готовился отмечать 25-летие своего существования. Члены кружка хранили память о создателе и первом руководителе кружка, рассказали мне трогательную историю, выжавшую из глаз скупую мужскую слезу. Война, тяжелые ранения, да и нелегкая послевоенная жизнь подорвали здоровье учителя, и три года назад в возрасте 58 лет он скончался. Но самое трогательное из этого рассказа заключалось в том, что в своем завещании он просил похоронить его в военной форме и положить в гроб партийный билет и ту самую невзрачную книжицу с грифом «Бесплатно» на последней странице мягкой обложки.

Сказать, что термин «словолюб» сродни некоей хронической болезни, – значит ничего не сказать. Сколько бы ни была болезнь тяжелой и продолжительной, ее все-таки врачи пытаются лечить, да и сама она порой надолго отступает, чтобы затем внезапно напомнить о себе в качестве обострения.

¹ В. А. Чивилихин. Память. Роман-эссе // Собр. сочинений в 4 томах. Том 3. Книга первая. М., «Современник», 1985. С. 581.

«Словолюб» – это болезнь, возникающая один раз и навсегда. «Словолюб» – это постоянный поиск книжных новинок и раритетов, где хотя бы мельком что-то сказано о «Слове». «Словолюб» – это хронический конфликт с домочадцами в поисках дополнительных уголков в квартире, где можно было бы повесить очередную полку со старыми и новыми изданиями «Слова», альбомов с ксерокопиями статей и вырезок из периодической печати с материалами о «Слове». В преддверии 800-летия события, послужившего основой создания «Слова», и в течение нескольких лет после юбилея на «словолюбов» обрушилась буквально лавина книг, статей, научных изысканий, всевозможных интервью со специалистами по «Слову», «словистами», что ограничиваться одной-двумя полками уже было невозможно. Приходилось изыскивать места для установки книжных шкафов, которые стремительно заполнялись все новыми и новыми изданиями.

Но «словолюб» не унимается и никогда не уймется, он будет продолжать искать чего-то такого, что есть у знакомого «словолюбца», а у него нет. Прекрасные слова об этой «болезни» сказал Владимир Чивилихин, и трудно удержаться, чтобы не привести их в качестве одного из симптомов «заболевания»: *«Покупаю новинки и антиквариат, какой встречу, вымениваю дубли, с благодарностью принимаю подарки от авторов, выпрашиваю иногда чуть ли не на коленях и не дошел еще разве только до воровства и сквалыжного зажиливания»*².

В. Чивилихин гордился тем, что в его коллекции есть дореволюционное издание «Слова» из серии «Всеобщая библиотека», с восхищением описывая содержание этой малоформатной книжицы в 82 страницы, «...вместившие предисловие, статью об истории открытия и первой публикации поэмы, подлинный ее текст, прозаический перевод, поэтическое переложение В. А. Жуковского, отрывки из переводов Л. А. Мея, А. Н. Майкова, И. И. Козлова, Н. В. Гербеля, обзор критической литературы о «Слове», научное описание похода князя Игоря историка С. М. Соловьева и краткое изложение содержания поэмы, принадлежащее перу Н. М. Карамзина. Удивительно емкое, предельно простое, дешевое и... драгоценнейшее издание! Дело в том, что оно было общедоступным, *шло в народ*, потому что стоило всего 10 копеек. Для сравнения относительного определения реальной стоимости гривенника в книжной торговле тех лет снимаю с полки компактный и плотный справочный томик 1906 года издания – «Флора Европейской России», 4 рубля 50 копеек. В сорок пять раз дороже!»³.

Солидарно с В. Чивилихиным испытываю гордость, что и в моей коллекции имеется эта книжечка, правда, изданная в 1907 году 6-м изданием «...безъ перем#нь И. Глазунова», но уже в другой серии: «Русская классическая библиотека, издаваемая под редакцією А. Н. Чудинова», с подзаголовком «Пособіе при изучении русской литературы», выпуск 1-й, и ценой уже в 30 копеек. Стоимость книжки возросла, но и времени прошло после 1-го издания (1895 год) около 12 лет, да и революционные годы (1905—1907) росту экономики не способствовали, а инфляцию раздували. Это была первая книга серии, в которой предполагалось опубликовать 50 произведений русской и зарубежной классики, начиная с «Летописи Нестора», «Слова о полку Игореве», «Былин» и «Русской народной лирики» и заканчивая зарубежной классикой от «Нибелунгов», «Поэм Оссиана» до Байрона и Сервантеса. Интересно отметить, что Планом предусматривалось издание трудов Кантемира, Хераскова и Сумарокова, но в нем почему-то не нашлось места для М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского.

По мере погружения в содержательную часть поэмы и историю Древней Руси и тех исторических событий, на фоне которых родился литературный шедевр, который по меткому выражению А. С. Пушкина *«...возвышается уединенным памятником в пустыне нашей*

² В. А. Чивилихин. Там же. С. 579.

³ Там же. С. 579—580.

древней словесности», неизбежно возникало желание узнать, кто же автор «Слова»? Академик Б. А. Рыбаков как-то заметил, что «чем гениальнее то или иное поэтическое произведение, тем больше хочется узнать о его авторе, ощутить его человеческие черты. Исследователи давно уже думают над тем, как устранить эту «тягостную безымянность» “Слова о полку Игореве”»⁴. Желание было так велико, что сразу же после первой публикации памятника появилось несколько «обоснованных» гипотез об авторах «Слова». Прежде всего, называли современников событий 1185 года, в той или иной степени приближенных к князю Игорю и Великому Киевскому князю Святославу Всеволодовичу. Это мог быть:

- а) летописец одного из этих двух князей;
- б) монах в монастыре Игореве княжества;
- в) песнопевец при князе;
- г) грамотный дружинник Игоря, участвующий в походе;
- д) его родственник или родственница;
- е) наконец, сам князь Игорь, эту версию активно развивал В. Чивилихин.

Все эти версии, попеременно или сразу по несколько, выдвигались известными исследователями памятника. Конкретно по именам, кроме князя Игоря, называли, например, галицкого «книжника» Тимофея, упомянутого в летописи под 1205 годом, несмотря на то что этот «книжник» говорил исключительно церковными притчами, цитировал Апокалипсис, в то время как создатель поэмы с благородной смелостью пренебрег всеми церковными канонами, зато часто упоминал славянских языческих богов. У него даже русские люди – потомки языческого Дажь-бога. Был предложен в авторы галицкий «словутый певец Митуса», упомянутый в Галицко-Волынской летописи как «древле гордый певец Митус», но оказалось, что «митуса» не собственное имя, а обозначение церковного певчего – регента. Кроме того, все исследователи представляют себе автора «Слова» человеком зрелых лет, умудренного опытом, может быть, уже в «серебряной седине», как и воспетый им Святослав, а «словутый певец» упомянут в летописи спустя 56 лет после того, как в 1185 году, по мнению большинства исследователей, была написана поэма «по горячим следам». Если этому «Митусе» в 1241 году было, например, 75 лет, то «Слово» он «написал» в 19—20 лет.

Назывался в числе авторов тысяцкий Игорь – Рагуйла; другие исследователи считали более подходящим сына тысяцкого, бывшего вместе с Игорем в плену. Писатель Иван Новиков соединил сына тысяцкого с упомянутым выше знатоком Апокалипсиса Тимофеем и получил в результате такого противоестественного слияния имя и отчество автора «Слова» – Тимофей Рагуйлович⁵.

Сам академик Б. А. Рыбаков в качестве автора «Слова» выдвинул летописца «Мстиславова племени» – боярина Петра Бориславича, большого знатока военного дела, дипломата и одного из лучших летописцев XII века. Свои летописные рассказы Петр Бориславич обильно документировал копиями княжеских договоров, княжеской перепиской, выписками из походных дневников князей⁶. Несмотря на то что Петру Бориславичу академик посвятил солидную монографию, он, как истинный ученый, не исключает, что автором «Слова» мог быть кто-то из придворных летописцев, более или менее талантливых в сравнении с Петром Бориславичем. По крайней мере, он называет еще пять летописцев второй половины XII века, которые были современниками, иногда даже единомышленниками главного героя «Слова о полку Игореве». «Все они, к сожалению, безымянны, но ученые давно уже научились преодолевать эту средневековую анонимность: если летописец, говоря о ком-либо в

⁴ Б. А. Рыбаков. «Кто же автор “Слова о полку Игореве”?» // «Наука и жизнь», 1972. № 10. С. 51.

⁵ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве и его автор. М., «Советский писатель», 1938. С. 70—83.

⁶ Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., «Молодая гвардия», 1991. С. 269—285.

третьем лице, сообщает о нем слишком много подробностей, то очень вероятно, что в этом случае летописец говорит о себе, называя себя «он». Все имена летописцев условны.

«ГАЛИЧАНИН» – молодой летописец, работавший, вероятно, под руководством Петра Бориславича при дворе Рюрика. Составил повесть о походе Игоря в 1185 году, в которой стремился выгородить, оправдать неудачливого князя. В повести много поэтических мест. Очень внимателен к шурина Игоря – Владимиру Галицкому.

МОИСЕЙ. Игумен Выдубицкого монастыря в Киеве. После Петра Бориславича был придворным летописцем Рюрика Ростиславича. Им написаны (это выявил еще историк М. Д. Приселков) некрологи всех Ростиславичей, братьев Рюрика, и составлен фундаментальный летописный свод около 1198 года, куда вошли труды всех перечисленных в данном списке летописцев. Сам Моисей отличался склонностью к церковной поэзии. Им составлена хвалебная речь в честь Рюрика, соправителя Киевского княжества наряду со Святославом Всеволодовичем.

ЛЕТОПИСЕЦ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА (он так и остался анонимным). Церковник, писавший тяжеловатым языком, неумеренно льстив, враждебен (как и его князь) к Игорю. Во времена соправительства Святослава и Рюрика (1176—1194 годы) Петр Бориславич широко пользовался летописью этого автора.

ПОЛИКАРП – летописец князей «Ольговичей» (главным образом отца Игоря), человек бесталанный, склонный к хозяйственным записям; он подробно описывал, что пограбили враги у его князя, сколько копен сена сожгли, сколько угнали стадных кобыл.

КУЗЬМИЦЕ КИЯНИН – придворный Андрея Боголюбского и горячий сторонник этого князя, оставивший подробную и полную драматизма повесть об убийстве Андрея. Жил и писал он в Боголюбове и, возможно, в Чернигове, а в Киев попала лишь его рукопись. Уснащал свой текст церковными изречениями⁷.

Назывались в качестве авторов «Слова» следующие имена: «Ходына» – песнетворец «старого времени»; Кочкарь – княжеский милостник; воевода Ольстин Олексич; тысяцкий Мирошка Надзилович. Поименованы в качестве «авторов» «Слова» практически в полном составе близкие родственники князя Игоря: Евфросиния Ярославна, жена князя Игоря; князь Рыльский Святослав Олегович, участник похода, племянник Игоря; Агафья Ростиславна – вдова князя Олега Святославича, невестка Игоря; великий князь Киевский Святослав Всеволодич, двоюродный брат Игоря; Владимир Ярославич, князь Галицкий, брат Ярославны, шурин Игоря; также называли безымянного внука певца Бояна (известна надпись в Святой Софии Киевской о покупке Бояновой земли у этого внука супругой князя Всеволода Ольговича, умершей в 1179 году. Эта «Боянова земля» упоминается в Киеве еще в XVII веке).

Среди экзотических версий были, например, такие, как:

автор «Слова...» – половец, нехристианин, возможно из тех, что пришли на Русь с Кончаковной – невесткой князя Игоря;

автор – европеец, с поэтическим опытом французских песен о Роланде и скандинавских саг, случившийся на Руси по торговым или посольским делам. Отсюда – отсутствие православных форм, обязательно имевших место во всех русских источниках;

автор – католический миссионер, засланный на Русь римским понтификом после разделения церквей в 1054 году (Русь формально не участвовала в этой расправе греческой и римской церквей);

автор – греческий монах или певец, знакомый со светской византийской поэзией и увлеченный русскими народными сказаниями;

автор – сам русский народ, а записанное «Слово...» – это позднейшая литературная обработка народных былин, песен и плачей о походе и пленении русского князя.

⁷ Б. А. Рыбаков. Упомянутая статья в журнале «Наука и жизнь». С. 55—56.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов, написавший скандально-известную книгу «Аз-и-Я», считал, что вообще нет смысла выяснять автора XII века, поскольку большую роль в создании текста играли переписчики. Переписчики, если это не касалось священных текстов, искажали первоначальный текст, изменяли слова, если менялся их смысл, приближали произведение к современному им читателю. Он пишет: «*Мы вправе считать «Слово» памятником языка и поэзии двух эпох – XII и XVI веков – и относиться к Переписчику не как к бездумному копиисту, а как к творчески активному интерпретатору, редактору и в некоторых случаях – соавтору*». В споре «верующих» в подлинность «Слова...» и скептиков Сулейменов занимает промежуточное положение, считая, что известный нам текст – это «совместное» творчество человека, жившего в XII веке, и множества переписчиков вплоть до XVI—XVII веков. Как мы постараемся показать в данном сочинении, в известной степени О. Сулейменов оказался прав.

Примерно такой же точки зрения придерживался известный советский литературовед-«словист» Игорь Петрович Еремин (18.IV.1904—17.IX.1963 годы), который утверждал, что «*попытки определить имя автора «Слова о полку Игореве» бесцельны, так как мы не располагаем никакими данными для решения этой проблемы*»⁸. Еремин подчеркивал необходимость бережного отношения к тексту «Слова»:

«...ближе к тексту первого издания! – вот лозунг, которым должны, как мне кажется, руководствоваться и издатели «Слова», и его переводчики». Он решительно возражал против гипертрофированной критики древнерусского текста «Слова»: «*Следует положить конец конъектурным поправкам там, где это не вызывается необходимостью, то есть где текст первого издания понятен и сам по себе, без какого-либо вмешательства с нашей стороны. Обилие поправок, часто ненужных, недостаточно обоснованных, – серьезная угроза “Слову о полку Игореве”*»⁹. И еще одну ценную мысль высказал Еремин, считая, что несколько «темных» мест «Слова о полку Игореве», в частности: «...у Пл#сньска на болони, б#ша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю»; «И схоти ю на кровать и рекъ...»; «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля п#створца старого времени Ярослава Ольгова коганя хоти...» – исправлению не поддаются, и все предложенные толкования не могут быть признаны удовлетворительными. Поэтому, полагает он, эти отрывки должны оставаться при издании древнерусского текста «Слова» в чтении Первого издания, а в переводах и переложениях их следует опускать. То есть, по его мнению, эти и ряд других фрагментов «Слова» настолько «испорчены» переписчиками, что нет никакой возможности восстановить их первоначальный текст. Невольно возникает вопрос: а уж не искусственного ли происхождения эта «порча»? В дальнейшем мы постараемся показать, что И. П. Еремин был в нескольких шагах от объяснения «природы» этих необратимых искажений текста «Слова».

Как видим, среди «предлагавшихся» на авторство «Слова» кандидатур фигурируют в основном духовные лица и близкие к этой категории летописцы, которые в большинстве своем были монахами. Однако серьезные исследователи этой проблемы считали, что автором повести может быть только мирянин. Так, Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» высказал твердое убеждение, что «Слово» написано, «без сомнения, мирянином, ибо монах не позволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные»¹⁰. Тем не менее недавно Б. И. Зотов высказал мысль, что автором «Слова» был хорошо известный церковный деятель XII века Кирилл Туровский, поучения, торжественные слова и молитвы которого отличаются высокой художественностью. Однако и эта кандидатура не нашла поддержки у большинства исследователей.

⁸ И. П. Еремин. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 215—281.

⁹ И. П. Еремин. Лекции и статьи... С. 105—106.

¹⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского. М., 1816—1817, в 8 томах. Т. 3. С. 215.

Псковский историк-краевед В. Михайлов выдвинул в авторы «Слова» писца псковского Пантелеймонова монастыря Домида – фигуру весьма известную в «словистике», о чем речь еще впереди.

Не раз к образу автора «Слова» обращались писатели и поэты в художественных произведениях. И. А. Новиков на основе своей гипотезы об авторстве «Слова» написал повесть «Сын тысяцкого» (1938 год). Князю Святославу Рыльскому, как автору «Слова», посвящена повесть А. М. Домнина «Матушка-Русь. Сказание» (1958 год). В повести А. Н. Скрипова «Рождение песни» (1977 год), очевидно, под влиянием гипотезы И. А. Новикова, автором «Слова» выступает сын тысяцкого Труан. Кстати, в этой повести Скрипов выдвинул интересную идею, что князь Игорь затеял свой поход вовсе не ради грабежа половецких кочевий, а чтобы «...возвратить дедовские земли и стать твердой ногой на берегах Сурожского (Азовского. – А. К.) и Русского (Черного. – А. К.) морей». Эта идея, что называется, «с порога» была отвергнута одним из выдающихся представителей ортодоксальной школы Д. С. Лихачева О. В. Твороговым. Однако она получила дальнейшее развитие в трудах некоторых исследователей истории создания «Слова о полку Игореве», о чем речь пойдет в I главе нашего сочинения.

В рассказе Ю. Плашевского «В конце века» (1979 год) автор «Слова о полку Игореве» – поэт-воин Вадим Славята. А кто не зачитывался великим творением Владимира Чивилихина, романом-эссе «Память», и не следил, затаив дыхание, как писатель подводит читателя к мысли, что автор «Слова о полку Игореве» не кто иной, как сам князь Игорь Святославич, крещеный Георгием Николаевичем?

Объединяет всю эту многочисленную рать кандидатов в авторы «Слова о полку Игореве» то обстоятельство, что все они из того же времени, когда произошло само событие, послужившее основой для создания «Слова», то есть из конца XII века. Споры исследователей о датировке написания «Слова» вращались вокруг 1185—1187 годов, в конце концов, пришли к согласию, что все юбилеи «Слова» следует отсчитывать от 1185 года, то есть с даты самого похода князя Игоря в Половецкую Степь. Если кто-то «покушался» на то, чтобы пересмотреть вопрос о времени создания «Слова», тогда, спрашивается, 800-летний юбилей в 1985 году по решению международной организации ЮНЕСКО весь мир отмечал по поводу какого события? Получается, что по поводу неудачного, сепаратного похода какого-то заштатного руководителя, незначительного Новгород-Северского княжества, подвассального даже не Великому Киевскому, а всего лишь Черниговскому княжеству! А это уже международный скандал! Зачем так грубо вводить в заблуждение мировую общественность, если вы, русские, за 200 лет после Первого издания «Слова» не можете разобраться даже в том, в каком веке жил автор «Слова о полку Игореве»?

Понятно, что авторы подобных идей автоматически становились изгоями, их презрительно обозвали «скептиками», что в «переводе» на русский язык означает «Фома Неверующий». А «скептики», в свою очередь, окрестили своих оппонентов, твердо придерживающихся мнения о древнем происхождении «Слова» (т. е. 1185 годом), тоже неблагозвучным словом – «ортодоксы»¹¹, что на русском языке звучит как «упертый».

Кстати, в XIX веке, на протяжении которого шли непрекращающиеся баталии по поводу датировки создания «Слова о полку Игореве», между «ортодоксами» и «скептиками» сложились вполне мирные отношения, они весьма корректно и дружески относились друг к другу, памятуя, что в научных спорах рано или поздно родится истина. Никому и в голову не приходила мысль отмечать в 1885 году юбилейную дату – 700-летие бесславного похода князя Игоря в Половецкую степь. «Скептиков» в ту пору было гораздо больше, чем «ортодок-

¹¹ *Ортодоксия* (греч. orthodoxyia) – неуклонное, строгое следование какому-либо мировоззрению, учению, направлению. Например, ортодоксальный марксист.

сов», и основой их скептицизма было то обстоятельство, что автор слова буквально игнорировал все христианские каноны, избрав в качестве «духовного обрамления» памятника языческих богов. Именно по этой причине до конца жизни убежденными «скептиками» были великие русские писатели Л. Н. Толстой и И. А. Гончаров.

Ситуация резко изменилась в советское время, когда над «скептиками» навис топор идеологической гильотины. Но сначала несколько слов по поводу того, кто сказал «а», т. е. кто же прославился в качестве первого «скептика»? Нынешнее поколение россиян не знает, а иные хотя и знали, но давно позабыли, что в советское время ни одна научная статья, монография, доклад на научной конференции и т. п. не могли быть опубликованы, если в самом начале произведения, да и по ходу его не приводились цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма. При этом совершенно неважно, о какой науке идет речь, будь то вопросы языкознания или истории, квантовой механики или ориенталистики (востоковедения), химии или акушерства и гинекологии: присутствие цитаты из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а до Хрущевской «оттепели» – И. В. Сталина было обязательным, а «освещение» их роли в той или иной области знаний – обязательным ритуалом.

Возьмем, к примеру, замечательную статью доцента Е. В. Матвеевой, которую мы будем широко комментировать по ходу нашего исследования. Речь в ней, в частности, пойдет о строительстве Петром I новой столицы в самом начале XVIII века. Зачин у автора статьи по этому поводу вполне исторически понятен: «Обстановка политическая и экономическая в России была сложной. В 1700 году под Нарвой русские потерпели поражение». Как не подкрепить этот пассаж словами классика? И тут же следует: «Нарва была первой большой неудачей поднимающейся нации, умевшей даже поражение превращать в орудие победы, – пишет К. Маркс. – Он (Петр) воздвиг новую столицу на первом завоеванном имкуске Балтийского побережья»¹². Конечно, лучше Маркса не скажешь, и пропуск статьи в научный журнал был обеспечен.

Любознательный читатель:

– Извините, но при чем здесь К. Маркс и возведение Санкт-Петербурга, если речь шла об авторах «Слова о полку Игореве»?

Прежде чем ответить на вопрос читателя, заранее оговоримся, что подобные диалоги с «Любознательным читателем» будут встречаться и далее по ходу изложения материала нашего исследования. Возможно, кто-то захочет уличить нас в плагиате, а потому признаемся, что этот литературный «инструмент» мы позаимствовали у глубоко чтимого нами Владимира Алексеевича Чивилихина – вечная ему светлая ПАМЯТЬ!

А К. Маркс здесь вот при чем. Это в последние двадцать с небольшим лет можно свободно писать о «Слове» без ссылки на Маркса. А до начала 90-х годов прошлого столетия в любой книге, статье, докладе, школьном учебнике по русской литературе нельзя было обойтись без цитаты, взятой из письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 года, в котором он определил идею древнерусского памятника следующим образом: «*Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ*».

Нашествие на Русь «*собственно монгольских полчищ*» под руководством хана Батые (Бату-хана) началось в 1237 году, и никакой пророк в своем отечестве за 50 с лишним лет в 1185 году не мог даже в страшном сне увидеть, что принесет это нашествие на Русскую землю, тем более призвать русских князей к единению для отпора грозному противнику. А это означает, что К. Маркс полагал, что призыв мог прозвучать во временном интервале с 1223 по 1237 год. То есть после поражения объединенного русского воинства на реке Калке в 1223 году, не сумевшего отбиться от небольшого отряда монгольских воинов, руководи-

¹² Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредиаковский // Ученые записки Ленинградского Государственного института им. А. И. Герцена. Том 76. 1936. С. 187.

мого Субудаем и Джебе, после утомительного перехода по берегу Каспийского моря, сразу же после покорения Персии и Закавказья. А причиной поражения и была как раз разобщенность русских князей, которые чаще ненавидели друг друга и жестоко воевали друг с другом, чем были готовы объединенными усилиями в союзе с половецкими ханами, которые обратились к ним за помощью, отразить превентивное нападение на южные границы Руси татаро-монгол.

Таким образом, все советские ортодоксальные исследователи «Слова», обильно цитируя К. Маркса, рубили собственными руками сук, на котором весьма комфортно сидели. Если «ортодоксы» косвенно признавали, что автор «Слова» «призывал» «русских князей к единению» где-то в середине 20-х годов XIII века, то почему бы советскому правительству не «назначить» празднование 800-летнего юбилея не в 1985 году, а, скажем, в 2025-м, тем более что авторитет Карла Маркса в СССР был непререкаем. Ведь недаром же сказал В. И. Ленин по поводу авторитета основателя учения, носящего его имя: *«Учение Маркса все-сильно, потому что оно верно!»*. Так что безымянный автор «Слова», согласно учению К. Маркса, после первой кровавой стычки с татаро-монголами на реке Калке в 1223 году, но еще до нашествия Батые своим литературным шедевром предупредил князей: *«Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени...»*, то есть кончайте междоусобные войны, готовьтесь объединенными усилиями встретить грозного неприятеля! И знак им подал, что с вами может случиться то, что случилось с князем Игорем на реке Каяле, то есть с его потомками на реке Калке. Вот откуда взялась эта непонятная река КАЯЛА:

КАЛКА

КАЯЛА

Всего-то нужно было заменить в слове из 5 букв одну сдвоенную букву «К» на букву «Я», и тогда из неблагозвучного названия реки «КАЛ+КА» возникает виртуальная река КАЯЛА, как бы от глагола «КАЯТЬ» с ударением на втором слоге «Я» – это Я вам говорю «Уже понизить...» и т. д. А может, самолюбие взвырало, как у той лягушки-путешественницы: *«Это Я придумала!»*

Идею К. Маркса о переносе даты написания «Слова» на 40 лет вперед активно поддержал Л. Н. Гумилев, который переносит дату написания «Слова» еще на 25 лет вперед, полагая, что оно написано было в 1249—1252 годах. Эту идею он изложил в главе «Опыт преодоления самообмана» из книги «Поиски вымышленного царства». По мнению Гумилева, прозападнически настроенный автор «Слова» сочинил «политический памфлет» в осуждение «протатарской политики» Александра Невского, опиравшегося на союз с сыном Батые ханом Сартаком. Автор, таким образом, пытался побудить Александра выступить против татар в союзе с западными соседями. «Важное датирующее значение для Гумилева, – пишет В. М. Богданов, – имеет слово «хины», встречающееся в «Слове» трижды. По его мнению, этот термин может соответствовать «названию чжурчженской империи Кин – современное чтение Цзинь – золотая (1126–1234 годы). Замена «к» на «х» показывает, что это слово было занесено на Русь монголами, в языке которых нет звука, соответствующего букве «к». Но тогда возраст этого сведения не XII век, а XIII, и не раньше битвы при Калке – 1223 год, а, скорее, позже – 1237-й». Таким образом, согласно гипотезе Гумилева, под «хинами» надо понимать татаро-монгол Золотой Орды, и, следовательно, сам сюжет «Слова» – не более как шифровка». Гумилев также сформулировал свой основной принцип, согласно которому в средневековых исторических произведениях «всегда идет преобразование реальных исторических лиц в персонажи. ... В художественном произведении фигурируют не реальные дея-

тели эпохи, а образы, под которыми бывают скрыты вполне реальные люди, но не те, а другие, интересующие автора, однако не названные прямо»¹³.

Если К. Марксу вольность с датировкой «Слова» сошла с рук, то Л. Н. Гумилеву досталось по полной. Кто только не «пинал» Льва Николаевича, даже всеми уважаемый В. А. Чивилихин прошелся по нему с «хлыстиком», чем авторитета себе, увы, не прибавил.

Конфронтация между «ортодоксами» и «скептиками» возрастала по мере «движения» даты создания «Слова» из века в век и достигла своего апогея, когда «скептики» дружно заявили, что автора «Слова» следует искать в XVIII веке. Эпоха Возрождения, пришедшая в Европе на смену мрачному средневековью, докатилась до России только в XVIII веке вместе с реформами Петра I.

Российская культура и, прежде всего, литература сбросили наконец-то с себя вериги клерикализма, появилась светская литература, которая бурно ворвалась в культурную жизнь России. Появились талантливые писатели, поэты, ученые русского происхождения («... может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов (Ньютонов) Российская земля рождать» провозгласил М. В. Ломоносов).

Но и в этом случае в досоветское время противостояние между «ортодоксами» и «скептиками» носило мирный, отнюдь не агрессивный характер. За исключением, пожалуй, непримиримой пары: А. С. Пушкин – М. Т. Каченовский, которые, по выражению самого Александра Сергеевича, «... бранивались, как торговки на вшивом рынке». Однако после публичной дискуссии, состоявшейся между ними 27 сентября 1832 года в одной из аудиторий Московского Университета, они вдруг помирились, о чем Пушкин немедленно сообщил в письме к Наталье Николаевне от 30 сентября 1832 года из Москвы в Петербург. В письме он сообщает: «На днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился с Каченовским, <...> разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех присутствующих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому»¹⁴. Так-то вот!

Но в советское время отношение к «скептикам» было сродни отношению к «врагам народа». Первым активно выступил французский славист – «словист» Андре Мазон, выдвинувший в качестве кандидата в авторы «Слова» самого графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина.

Как иностранному члену АН СССР, ему многое прощалось, но при этом ряды советских «словистов-ортодоксов» плотно сомкнулись, критические перья были заострены, и в конечном итоге было «обнаружено» столько «неопровержимых» фактов древнего происхождения «Слова», что на А. Мазона просто махнули рукой.

Однако в начале 60-х годов в «скептики» «напросился» известный советский историк Александр Александрович Зимин, который почитай с математической точностью «вычислил», что автором «Слова» является архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль Быковский, у которого якобы в конце 80-х годов XVIII столетия А. И. Мусин-Пушкин приобрел протограф «Слова о полку Игореве».

Вот уж на этом «скептике» «ортодоксы» оттоптались на полную катушку, о чем у нас речь впереди. Гонение было столь жестким и последовательным, что ученый в 1980 году в 60-летнем возрасте ушел из жизни.

Недаром гласит народная мудрость, что словом можно не только ранить, но и убить человека. Хотя справедливости ради следует отметить, что перед А. А. Зиминим все-таки вроде бы формально извинились, издав в 2006 году, по прошествии 26 лет со дня смерти ученого, его капитальный труд «Слово о полку Игореве». Мало того, предисловие к книге

¹³ В. М. Богданов, Н. В. Носов. «Слово о полку Игореве» – великая мистификация. СПб., М., ИД «Нева», 2005. С. 22–23.

¹⁴ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Том десятый. Письма 1831—1837 годов. М., «Художественная литература», 1978. С. 105.

написал О. В. Творогов, ставший после смерти академика Д. С. Лихачева главным «словистом»-«ортодоксом» страны. Характерен заключительный пассаж ответственного редактора книги – того же О. В. Творогова: *«А. А. Зими́на нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем «слововедения», существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга – наиболее полный свод возражений защитникам древности «Слова», и без ответа на все эти доводы и сомнения А. А. Зими́на нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора – самого основательного из «скептиков» – окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности «Слова» осталось мало шансов на будущее»*¹⁵.

Написав последнее предложение своего заключения о книге А. А. Зими́на, О. В. Творогов, на наш взгляд, слегка лукавил, поскольку он прекрасно знал, что не далее как в 2004 году вышло первое издание книги академика А. А. Зализняка, в которой он камня на камне не оставил от концепции А. А. Зими́на, что автором «Слова» мог быть архимандрит Иоиль Быковский. Во втором издании книги (2007 год) и особенно в третьем (2008 год) он, с привлечением достижений лингвистической науки за последние полтора-два столетия, убедительно показал, что автором «Слова» мог бы стать некий аноним, вобравший в себя все эти достижения, например, сам А. А. Зализняк, если бы он со своими знаниями оказался в XVIII веке. Однако, как истинный ученый, он оставил за собой открытую дверь, что появление такого гения в XVIII веке все-таки возможно, но с исчезающе малой вероятностью, практически равной нулю.

Мало того, маститый академик, ставший лауреатом Государственной премии России за свой подвижнический труд, с вдруг «вскипевшей яростью благородной» обрушился на мрачные времена, «...когда свободная конкуренция версий <о подлинности или поддельности «Слова».- А.К.> была невозможна: версия подлинности СПИ («Слова».- А.К.) была фактически включена в число официальных научных постулатов, сомнение в которых было равнозначно политической нелояльности»¹⁶. Дальше – больше, возмущение академика нарастает: «Как уже отмечено выше, в советскую эпоху версия подлинности СПИ была превращена в СССР в идеологическую догму. И для российского общества чрезвычайно существенно то, что эта версия была (и продолжает быть) официальной, а версия поддельности СПИ – крамольной. В силу традиционных свойств русской интеллигенции это обстоятельство делает для нее малоприятной поддержку первой и психологически привлекательной поддержку второй. А устойчивый и отнюдь еще не изжитый советский комплекс уверенности в том, что нас всегда во всем обманывали, делает версию поддельности СПИ привлекательной не только для интеллигенции, но и для гораздо более широкого круга российских людей»¹⁷.

Наконец, возмущение академика достигает апогея, он, конечно же, защищает гонимых властью гениальных «скептиков», указывает на конкретного виновника гонения: «И, конечно, убийственную роль для репутации этих работ <ортодоксальных «словистов».- А.К.> у читателей играет лежащее на них клеймо советской цензуры, которая практически не допускала прямого цитирования А. Мазона или А. А. Зими́на. Бесчисленные страстные доказательства подлинности «Слова» подразумевали наличие некоего коварного врага, который стремится обесчестить эту гордость советского народа и о котором по советской тради-

¹⁵ О. В. Творогов. О книге А. А. Зими́на. Предисловие к книге А. А. Зими́на «Слово о полку Игореве». СПб., «Дмитрий Буланин», 2006. С. 7.

¹⁶ А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., «Рукописные памятники Древней Руси», 2008. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 27.

ции читателю не положено было знать сверх этого почти ничего; даже имена врагов предпочтительно было заменять безличным «скептики»¹⁸.

Этими словами, да вовремя сказанными, можно было бы серьезно помочь гонимому в середине 60-х годов А. А. Зимину, но... помощь и поддержка последовали слишком поздно.

Любознательный читатель:

– Помилуйте, насколько мне известно, Андрею Анатольевичу в середине 60-х годов и тридцати годов не было.

Имя его еще мало кому известно было. Он только в 1967 году выпустил свой первый научный труд «Русское именное словоизменение». Кто бы прислушался к голосу молодого, только начинающего ученого?

– Согласен с вами. Мало того, случись такое, что начинающий ученый выступил бы в защиту А. А. Зимины, тогда, возможно, мы никогда не узнали бы его в роли крупного ученого с мировым именем, поскольку он не только преподавал на филологическом факультете МГУ и к середине 80-х годов написал около десятка книг, многие из которых переведены на иностранные языки, но преподавал и выступал с лекциями в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа, Женевы, а также в Италии, Швейцарии, Германии, Австрии, Англии и Швеции. То есть к середине 80-х это был уже ученый с мировым именем, и голос его в защиту яростно гонимых «скептиков» наверняка был бы услышан.

Речь идет о том, что в преддверии празднования 800й годовщины «написания» «Слова о полку Игореве» разгорелся грандиозный скандал по поводу публикации в журнале «Новый Мир» статьи ровесника А. А. Зализняка – писателя, историка и литературоведа Андрея Леонидовича Никитина¹⁹. Основная идея статьи А. Никитина «Испытание “Словом”...» заключалась в том, что огромное количество загадок и «темных» мест «Слова» объясняется тем, что это не оригинальное произведение XII века, а компиляция более раннего произведения поэта XI века Бояна, о чем автор «Слова» и заявляет в «Зачине»: «а не по замышлению Бояню». При этом, утверждает А. Никитин, некий переписчик искажил фразу, вставив в нее частицу «не». То есть А. Никитин выступил в роли «скептика – назад», сдвинув датировку повести на целый век назад. А. Н. Никитин считает, что Боян, впервые упомянутый в «Слове», вовсе никакой не гуслир и не певец, а талантливый писатель – прямой потомок болгарского царя Симеона. Это о нем упоминает надпись на стене Софийского собора в Киеве, сделанная в XI веке. В ней речь идет о покупке земли княгиней Всеволодовой у некоего Бояна. Таким образом, утверждает А. Никитин, «произведение Бояна»... послужило «матрицей» для автора «Слова» и было посвящено событиям 1078—1079 годов – борьбе сыновей князя Святослава Ярославича против *Всеволода и Изяслава Ярославичей* и их детей. Методом исключения Никитин приходит к выводу, что главным героем этого произведения был *Роман Святославич* «Красный», которого автор «Слова» заменил князем Игорем точно так же, как Святослава Ярославича – *Святославом Всеволодовичем* и т. д. Основной причиной, по которой «произведение Бояна как нельзя лучше подходило для целей автора» «Слова», Никитин считает то обстоятельство, что неудачному походу Романа Святославича против Всеволода Ярославича в 1079, как и походу князя Игоря, предшествовало солнечное затмение. Именно это, пишет он, «сыграло решающую роль в выборе, благодаря чему заурядная пограничная вылазка Игоря, окончившаяся к тому же поражением, оказалась сюжетом не только поэмы, но и достаточно обширных летописных статей», так как, утверждает Никитин, «согласно представлениям той эпохи, героизм обоих князей заключался отнюдь не в опрометчивом выступлении с малыми силами против превосходящего по численности врага..., не в личной

¹⁸ Там же. С. 27—28.

¹⁹ А. А. Никитин. Испытание «Словом...». «Новый мир», №№ 5, 6, 7. 1984.

даже доблести, но в вызывающем пренебрежении недвусмысленным небесным знаменем, безусловно обрекавшим предпринятые походы на неудачу»²⁰.

Что тут началось! Избиение А. Л. Никитина напоминало боевую операцию, которую возглавили корифеи «ортодоксов» академики Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. Даже заголовки их статей напоминали сводки с поля боя: Лихачев Д. С. публикует в журнале «Вопросы литературы» (1984. № 12, с. 80—99) статью: «В защиту “Слова о полку Игореве”». Но этого показалось мало, и в «Литературной газете» (1984, от 28 августа) появляется огромная статья «Еще раз в защиту Великого Памятника». Но и этого мало. В сборнике «Исследования “Слова о полку Игореве”», выпущенном издательством «Наука» (1986 год) под редакцией Д. С. Лихачева, публикуется ряд разгромных статей «научного» характера, обвиняющих Никитина в «антинаучном подходе к “Слову”», в том числе статья главного редактора под заголовком «Против дилетантизма в изучении “Слова о полку Игореве”»²¹. Характерен заключительный пассаж статьи: «Безусловно, самое удачное в серии очерков А. Никитина – это их общее название – «Испытание “Словом”». Название, прямо скажем, смелое и приглашающее. Выдержал ли, однако, сам автор очерков это испытание? На мой взгляд – нет!».

Академик Л. А. Дмитриев с названием своей статьи в «Советской культуре» (17 сентября 1985 года) долго не мудрил, а, иронизируя над своим оппонентом, озаглавил ее скромно, но со смыслом: «Испытание “Словом”», в которой пишет: «Текст, реально донесенный до нас первым изданием «Слова о полку Игореве», произвольно меняется. При этом допускаются ошибки, натяжки, несправедливые утверждения, противоречащие и «Слову», и историческим данным». А в своем предисловии к вышеуказанному научному сборнику добавляет: «Пример «исследования» А. Никитина, у которого «Слово о полку Игореве» из оригинального, тесно связанного своей идейной направленностью с событиями 80-х годов XII века памятника превращается в компиляцию, составленную из «поэм» Бояна, которые никому не известны и искусственно «воссозданы» самим же Никитиным, <...> свидетельствует о том, что к древнерусским текстам при их истолковании необходимо относиться так же бережно, как и ко всяким другим памятникам древности. Неквалифицированное, дилетантское вмешательство в литературный памятник наносит ущерб нашему культурному наследию»²².

В этом же сборнике опубликована большая аналитическая статья М. А. Робинсона и Л. И. Сазиной. «Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве»)», в которой отметим такой пассаж: «Серьезный методологический просчет Никитина – в подходе к «Слову о полку Игореве» без учета его художественной природы, – далее цитата из его статьи, – «Автор «Слова...» в ряде случаев решительно расходится с летописцами в оценке действующих лиц, в передаче взаимоотношений князей, даже в реальной географии южно-русских земель». Рассуждая так, Никитин забывает, что «Слово» – поэма, а не летопись и не актовый документ. Естественно, что разные жанры по-разному говорят о своей эпохе. Отсюда несоответствие «историко-поэтической системы» «Слова» реальной ситуации XIX века. В литературном произведении всегда существует дистанция между действительностью и ее художественным воплощением – для подкрепления этой, совершенно очевидной истины и, видимо, для придания своему труду «научного» характера авторы «припали» к неиссякаемому источнику мудрости – трудам В. И. Ленина. – Чрезвычайно ценно с мето-

²⁰ Цитаты из произведения А. Л. Никитина «Испытание «Словом...» // Новый мир. 1984. № 5. С. 182—206; № 6. С. 211—226; № 7. С. 176—208.

²¹ Д. С. Лихачев. Против дилетантизма в изучении «Слова о полку Игореве» // Сборник «Исследования “Слова о полку Игореве”». Л., «Наука». 1986. С. 183—196.

²² Л. А. Дмитриев. Предисловие к сборнику // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., «Наука», 1986. С. 7.

дологической точки зрения положение В. И. Ленина: «Искусство не требует признания его произведений за действительность» (ПСС. Т. 29. С. 53.)»²³.

Так в чем же дело? Признайте опус А. Никитина художественной импровизацией на тему... и штыки (т. е. перья) в землю! Куда там, даже академик Б. А. Рыбаков – этот вечный оппонент академикам-филологам – туда же с упреками в адрес А. Никитина, что-де, мол, он тенденциозен, в частности, в отношении к князю Олегу Святославичу, как к безусловно «положительному» герою русской истории²⁴.

Короче говоря, все кому не лень из славной ортодоксальной школы, родившейся в стенах ИРЛИ («Пушкинском доме»), вдосталь «отоспались» на косточках бедного «нарушителя спокойствия» Андрея Леонидовича Никитина. Спрашивается, где же в это время был суровый обличитель (в будущем) идеологических догматов советского времени, одногодок и «тезка» Никитина Андрей Анатольевич Зализняк? Скорее всего, в Париже или писал, отрешившись от мира сего, очередную научную монографию «От праславянской акцентуации к русской» (1985 год).

Любознательный читатель:

– Упрекая академика А. А. Зализняка за его как бы пассивную гражданскую позицию, не забывайте, что он никогда не работал в ИРЛИ и солидаризоваться с «ортодоксами» школы академика Д. С. Лихачева он никак не мог.

– Конечно, он шел по другому «ведомству», работая в Институте славяноведения АН СССР (ныне РАН), и что творилось в другом академическом институте, близком по его направлению деятельности, не знал и не ведал.

Впрочем, это дела давно минувших дней, еще до горбачевской перестройки, а ныне ситуация сложилась так, что после публикации книги А. А. Зализняка «скептики» разом замолкли и почитай уже десяток лет о них «ни слуху, ни духу». Лишь американский славист Е. Кинан выступил в 2003 году с идеей, что автором «Слова» является известный чешский филолог Йосеф Добровский (1753—1829 годы)²⁵. А. А. Зализняк достаточно легко опроверг эту теорию, отметив, однако, что «... книга Кинана – основательный и интересный труд. Это третья книга в серии больших работ, доказывающих поддельность СПИ, после Мазона и Зимина»²⁶. Наконец-то, ведь «... доброе «Слово» и кошке приятно».

Впрочем, следует отметить, что одновременно с А. А. Зализняком, трудившимся над судьбоносным для атрибуции авторства «Слова о полку Игореве» произведением, в городе на Неве скромный «словолюб» Владимир Михайлович Богданов совершенно оригинальным путем «открыл» автора «Слова», о чем в 2005 году, в соавторстве с Н. В. Носовым выпустил книгу-сенсацию, «которую маститые «ортодоксы-словисты» даже не удостоили своим вниманием»²⁷. Наступили новые времена, и гнобить «скептиков» испытанным орудием путем включения идеологической гильотины стало уже не модно, да и малоэффективно.

Сплотив свои, год от года редущие ряды, «ортодоксы» избрали новую тактику борьбы со «скептиками», которую в полном соответствии с широко известной поговоркой можно назвать: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу».

²³ М. А. Робинсон, Л. Н. Сазонова. Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве» // Сборник: «Исследования “Слова о полку Игореве”». Л., «Наука», 1986. С. 201—202.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Историзм «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 38—39.

²⁵ E.L. Keenan. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale / Cambridge, Mass., 2003.

²⁶ Указанное сочинение А. А. Зализняка. С. 344.

²⁷ В. М. Богданов, Н. В. Носов. «Слово о полку Игореве» – великая мистификация. СПб., М., ИД «Нева». 2005.

Мы не будем здесь углубляться в суть версии В. М. Богданова – Н. В. Носова, но предполагаем, что третье место на пьедестале почета великих «скептиков», наряду с А. Мазоном и А. А. Зиминим, им будет обеспечено.

Свою скромную роль в решении проблемы датировки и атрибуции «Слова о полку Игореве» видим лишь в том, что, сопоставив версии А. Мазона, А. А. Зимина и В. М. Богданова, мы обнаружим некую таинственную нить, связующую их воедино.

Поразительно и глубоко символично, что заключительный этап нашей работы совпал с поистине историческим событием – возвращением в лоно матери-Родины Крымского полуострова, 600-летняя борьба за присоединение которого к Руси (России) завершилось победой в «Троянов век», т. е. во «...времен<a> Очакова и покорения Крыма».

Глава I

Что искал князь Игорь в половецкой степи?

*Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата поискати града Тмутараканя, а любо испити
шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями,
а самую опуташи, въ путины желѣзны.
«Слово о полку Игореве»*

Сам князь Игорь словами автора повести совершенно определенно заявляет: *«Хощу бо, рече, копие приломити // конец поля Половецкого: // съ вами, русици хощу главу // свою приложити, а любо испити шоломом Дону»*. Понятно, что ни о каком завоевании «града Тмутаракана» он не помышляет. Однако Бояре Великого князя Киевского Святослава Всеволодовича при толковании его «мутного сна» настаивают именно на той целеустановке похода Игоря, что приведена в эпиграфе к настоящей главе нашего исследования. Спрашивается почему? Ведь совершенно очевидно, что теми силами и боевыми средствами, которыми располагал князь Игорь, задачу завоевания бывшего Тмутараканского княжества, которым владели предки «Ольгова гнезда», решить было невозможно. Для этого требовалось углубиться в половецкие владения (*«конец поля Половецкого»*), неминуемо встретив сопротивление приазовских половецких племен, разгромить их, а затем штурмом взять укрепленный византийцами город. Неужели бояре этого не знали и докладывали Святославу надуманную ими версию о цели похода Игоря?

Что собой представлял этот город, расположенный на Таманском полуострове, на период Игоревы похода в Половецкую степь? И почему автор повести неоднократно упоминает этот город, отрезанный на тот период от русских земель Половецким полем? Действительно, кроме выше приведенного фрагмента из речи бояр, Тмутаракань упоминается в «Слове» в следующих контекстах: *«збися Дивь, // кличеть врѣху древа, // велить послушати земли незнаемъ, // Вльзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тебъ, Тмутараканский бълванъ»*, где автор повести утверждает, что в самом начале похода Игоревы войска вся Половецкая степь, Приазовье, Причерноморье и Тамань уже осведомлены о движении русичей. Дважды упоминается этот город в ретроспективных отступлениях ко временам, когда предки князя Игоря владели землями Приазовья в составе Черниговского княжества: *«Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. // Ступает въ взлатъ стремянь въ градъ Тмутороканъ // той же звонъслыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволодъ, // а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ»; «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ града рядяше, // а самъ ночь вълком рыскаше // изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутараканя»*.

Как видим, автор «Слова» четырежды упоминает имя этого далекого города, рассказывает о событиях, происходивших в нем на протяжении почти целого двухсотлетия, хорошо знает родословную черниговских и тмутараканских князей, двое из которых упомянуты в «Зачине» «Слова о полку Игореве»: *«...которыи дотечаше, // та преди песнь пояше // старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскыми, // красному Романови Святъславличю»*.

«Храбрый Мстислав» – это сын Владимира Святославича («Крестителя») и брат Ярослава Мудрого. Поскольку после смерти Владимира Крестителя в удел Мстиславу достался далекий город Тмутаракань, стало быть, он уже входил в состав государства Киевская Русь, будучи завоеванным Святославом Игоревичем, разгромившим Хазарский Каганат.

«Красный Роман Святославлич» – внук Ярослава Мудрого, родной брат Олега Святославлича («Гориславлича»), то есть деда Игоря Святославича.

Исходя из этих посылов автора повести до середины 20-го столетия в ряде учебных пособий, адресованных прежде всего школьному учителю русской словесности, а также массовому читателю, цель похода Игоря Святославича определялась следующим образом: Князь Игорь поставил перед собой безумно смелую, где-то даже авантюрную задачу – с небольшими собственными силами вернуть в лоно великого Черниговского княжества Тмутаракань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу («Гориславичу»). То есть он решается дойти до берегов Черного моря, закрытого для Руси Половецкими станами уже почти сто лет. Так считал, например, И. Г. Добродомов²⁸.

Однако за последние четыре десятилетия советские историки и словисты решительно отвергали доводы, выдвинутые И. Г. Добродумовым, на основании того, что поход северских князей, подвассальных великому князю Черниговскому Ярославу Всеволодовичу, был по своему характеру обычным набегом, имеющим цель пограбить приграничные половецкие поселения, захватить в плен беззащитных женщин и детей («...*помчаша красныя девкы половецкыя*...») и с трофеями вернуться восвояси. Так, известный словист М. Ф. Гетманец утверждает, что Игорь не мог ставить перед собой задачу выйти к Тмутаракани и берегам Черного моря, так как она была в то время неосуществима. В частности, он пишет: «... Небольшое русское войско в составе 6—8 тысяч человек не смогло бы преодолеть путь от Новгорода Северского до Тамани в полторы тысячи километров. Да и сам Игорь совершенно определенно говорит, что цель его похода – Дон: «*Хощу, – рече, – копие приломити конец поля Половецкаго, с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шелономъ Дону*». Все события в «Слове» привязаны к Дону, который является своего рода центром изображенного в произведении географического пространства. В настоящее время считается установленным, что Дон в представлении автора «Слова» – это современная река Северский Донец.

О Тмутаракани и Черном море ничего не говорится и в летописных рассказах о походе. В Ипатьевской летописи, довольно подробно описывающей события, названы только Донец, Оскол, Сальница, Сюурлий, Каяла, Тор и безымянное озеро-море. В Лаврентьевской летописи фигурирует только Дон, и то не как место действия, а как заветная мечта воодушевленных первой удачей русских князей. Победив половцев, рассказывает летописец, князья решили: «*А ноне пойдём по них за Дон и до конца изобъём их, оже ны будет ту победа, идем по них у луку моря, а де же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь*». Как установлено исследователями, в этой летописи допущено множество неточностей, обстоятельства похода освещаются очень приблизительно и истолковываются в негативном по отношению к Игорю духе. Недоброжелательно относясь к Игорю, стремясь передать авантюризм замыслов князей, летописец все-таки не говорит о Тмутаракани, а ограничивается *Доном* и *лукой моря*.

Откуда все-таки взялась Тмутаракань?²⁹

Слова бояр, толкующих сон Святослава, об истинной цели похода Игоря в Половецкую степь, Гетманец считает всего лишь догадкой, предположением, а посему «...они не могут быть основанием для заключения о цели похода»³⁰.

²⁸ Добродомов Игорь Георгиевич (род. 10.XI.1935) – языковед, доктор филологических наук, профессор, с 1980 года – заведующий кафедрой общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина.

²⁹ Гетманец Михаил Федосеевич (род. 16.IX.193) – советский литературовед, доктор филологических наук, профессор, с 1955 года заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Харьковского государственного педагогического института.

³⁰ Там же. С. 95.

Кроме того, утверждает М. Ф. Гетманец: «...приведенное высказывание <бояр князя Святослава> содержит смысловое противоречие. Одно дело, когда Игорь говорит, что хочет «главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону», то есть либо голову сложить, либо дойти до Дона, а другое – «поискати града Тмутараканя, а любо испити шеломом Дону»: попытаться завоевать Тмутаракань или дойти до Дона. Две цели, о которых говорят бояре, не исключают одна другую: если будет взята Тмутаракань, то и Дона войско достигнет, ибо эта река ближе и миновать ее невозможно.

«Поискати Тмутараканя» в данном случае – обычная гипербола, с помощью которой подчеркивается честолюбие и самонадеянность молодых князей»³¹.

Тмутаракань XII столетия – это не «...самый скверный городишка из всех приморских городов России, где я (герой гениальной повести М. Ю. Лермонтова. – А.К.) там чутьчуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить...», какой виделась поэту Тамань в первой половине XIX века, а был это хорошо укрепленный город с развитой городской инфраструктурой, форпостом слабеющей Византии в Приазовье и Крыму. Город располагался по другую сторону Керченского пролива на Таманском полуострове, на месте античной *Германассы*. Историки полагают, что название свое город получил в средние века от хазар, сделавших его столицей Хазарского Каганата. Слово имеет тюркское происхождение «Таман-Тархан», что означает «город, правитель которого освобожден от взимания дани». Основным занятием жителей Тмутаракани, через которую шли пути, связывающие Европу с Кавказом, Закавказьем и Средней Азией, была посредническая торговля.

Древнейшее описание Тмутаракани, как крепости Таматарха, сделано в середине X века Константином Багрянородным в его сочинении «Об управлении империей». Арабский географ XII века аль-Идриси пишет о «Матархе» как о большом, владеющем обширными землями, процветающем городе, на ярмарки которого собираются люди как из ближних, так и из самых дальних стран. Раскопки показали, что город имел квартальную планировку и мощные улицы. Русские князья завладели им, очевидно, после разгрома Хазарии (965). В 988 при разделе князем Владимиром городов междусвоими сыновьями Тмутаракань досталась Мстиславу, упомянутому в «Слове» («...храброму Мстиславу, // иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими...»). На месте города сохранился фундамент церкви, построенной князем Мстиславом в 1023 году в честь победы над предводителем касогов (такименовались аланы – предки нынешних осетин) Редедей.

Тюркское название «Таман-Тархан» превратилось в византийских источниках VIII века в «Таматарха», а после завоевания Тамани Святославом Игоревичем в «Тмутарокань» («Тмутарокань», «Тмутаракань»).

Доставшийся в наследство черниговским князьям город был типичным причерноморским портом с хорошо развитой архитектурой. Судя по сохранившимся фундаментам зданий, можно считать, что планировка города была уличной: дома соединялись в кварталы, разделялись узкими переулками, мощеными обломками керамики и щебнем.

В X—XI веках в городе правили многие русские князья-изгои, и даже не по одному разу. Среди многочисленных исторических лиц, упоминаемых в «Слове» и непосредственно связанных с Тмутараканью, привлекает внимание фигура последнего тмутаратьмутараканского князя Олега (в крещении – Михаила) Святославича – деда князя Игоря. Интерес к этому человеку проявляли и его современники, и автор «Слова»³². Дело в том, что Олег стал родоначальником целой династии князей, прозванных «Ольговичами», именно за Олегом закрепилось нелестное прозвище «Гориславич», данное автором «Слова». Имя Олега встречается

³¹ Там же. С. 96.

³² В. А. Захаров. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве», в сборнике «Слово о полку Игореве» / (Комплексные исследования, М., «Наука», 1988. С. 203—221.

в произведении неоднократно: «...были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. // Ты бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше».

Первое упоминание об Олеге находится в «Истории Российской» В. Н. Татищева, когда он получил от отца Святослава Ярославича в держание Ростовскую землю (1073 год)³³.

Олег Святославич оказался в горниле развернувшихся после смерти Ярослава Мудрого междоусобных войн его многочисленных наследников, что привело в итоге к распаду Киевской Руси как государственного образования. В 1077 году, воспользовавшись смертью Святослава Ярославича, его брат Всеволод захватил киевский престол. Другой брат, Изяслав Ярославич, не согласился с таким решением, считая, что великокняжеский престол должен принадлежать ему по старшинству. Пока братья воевали между собой, в Чернигове восемь дней княжил Борис Вячеславович, но затем бежал в Тмутаракань. В июле Изяслав, «створи-ста миръ» с Всеволодом, получает Киев, а Всеволод Ярославич захватывает Чернигов.

Чтобы правильно оценить эти события, необходим небольшой исторический экскурс. Черниговский престол появился в результате борьбы двух братьев: Ярослава Владимировича Мудрого и Мстислава Владимировича Тмутараканского. После смерти Мстислава в 1036 году Ярослав становится «единовластцем Русской земли», черниговский престол попросту ликвидируется³⁴.

Ярослав Мудрый завещал Чернигов своему сыну, Святославу Ярославичу³⁵, который княжил в городе с 1054 по 22 марта 1073 года, когда он вместе с Всеволодом выгнал Изяслава и занял киевский престол. Чернигов до смерти Святослава, т. е. до 27 декабря 1076 года, оставался за ним и должен был перейти во владение его сына – Олега Святославича. Но этого не произошло. Всеволод Ярославич вместе со своим сыном Владимиром Мономахом нарушают завещание Ярослава Мудрого. Черниговский престол захватывает Всеволод, Олег поселяется, а скорее, его насильно поселяют у дяди. Все это делается для того, чтобы Олег был под присмотром, чтобы не дать ему возможности выступить против Всеволода.

Жить при дворе дяди было, видимо, нелегко, и неожиданно для всех на следующий год «беже Олегъ, сынъ Святославль, Тмутараканю от Всеволода, месяца априля 10»³⁶. В Тмутаракани в это время правил его брат Роман, о котором также упоминает «Слово». Боян пел песнь «...красному Романови Святъславличю».

Военной силы Олег практически не имел никакой; понимая это, он входит в союз с половцами и объединенными силами, вместе с Борисом Вячеславовичем, своим двоюродным братом, идет к Чернигову. Летописец осуждающе сообщает об этом факте: «...приведе Олегъ и Борисъ поганя на Русьскую землю, и пойдоста на Всеволода с половци»³⁷. Уже в августе 1078 года на реке Сожице они разбивают Всеволода Ярославича и занимают Чернигов. «Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвшие, // а земле Русьскѣи много зло створяще, // проливаше кровь хрестьяньску»³⁸.

Видимо, под влиянием летописных повестей в современной литературе о «Слове» («Словистике») сложился отрицательный образ Олега Святославича. Выдающийся «словист» А. Н. Робинсон верно подметил эту несправедливость: «Односторонне отрицательно оценивая деятельность Олега Святославича и идеализируя Владимира Мономаха,

³³ Указанное сочинение. Т. 2. С. 90. *Татищев Василий Никитич (19.IV.1686—15.VII.1750)* – государственный деятель, историк и географ. Основной труд его литературно-исторических изысканий – две редакции «Истории Российской», вторая редакция была издана посмертно в 1768—74 годах по распоряжению Екатерины

³⁴ *Повесть временных лет*. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 102—103.

³⁵ Там же. С. 109.

³⁶ Там же. С. 131. Летописец не только оправдывает борьбу Олега за наследство отца, но считает его поступок справедливым. В Ипатьевской летописи по 1096 году сообщается: «Олег же надеялся на правду свою, яко прав бе в сем».

³⁷ *Повесть временных лет*. С. 132.

³⁸ Там же.

исследователи нередко ссылаются на союзы Олега (да и всех Ольговичей) с половцами»³⁹. Что это за союзы?

Действительно, отношения с половцами у многих русских князей были родственными. Сам Олег Святославич был женат дважды. Его первой женой была гречанка Феофания, второй брак был заключен, вероятно, в начале 90-х годов с половчанкой, дочерью хана Осулка. Все герои «Слова» внуки этой половчанки.

В 1107 году Владимир Мономах со своими двоюродными братьями Олегом («Гориславичем») и Давидом Святославичами отправились к половцам. Владимир женил своего сына Юрия (Долгорукого) на дочери хана Аепы (сына Осеня), Олег женил своего сына Святослава (отца Игоря) на дочери другого хана Аепы (сына Гиргеня). То есть в жилах героев «Слова» более чем наполовину текла половецкая кровь.

Об этом же говорит и внешний облик Буй тура Всеволода, восстановленный по черепу из гробницы советским антропологом М. М. Герасимовым (1907—1970 годы); на нас смотрит лицо явно не «славянской национальности».

Нередко случалось, что Олег и Святослав Олегович в борьбе с Мономахом и его сыновьями обращались за помощью к половцам – своим шурьям и уям (дядьям по матери)⁴⁰. К такой же помощи не раз обращался и сам Мономах. Летописец, сторонник Мономаха, осуждал Олега за приведение половцев на Русскую землю, а такие же действия Владимира Мономаха считал в порядке вещей.

Об отсутствии серьезного русско-половецкого антагонизма во второй половине XII века пишет в своей статье «Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха» упомянутый выше словист А. Н. Робинсон (1986 год): «...появилась возможность выгодного участия разных ханов в качестве союзников тех или иных русских князей в их взаимных войнах, ханы и князья становились необходимыми друг другу как в войнах, так и в союзах. Все более укреплялось кровное родство ряда князей и ханов, а также их дружин и местного населения обеих сторон»⁴¹. То есть шел нормальный процесс взаимной ассимиляции этносов на границах их соприкосновения в течение столетий (т. н. «*пассионарность*» по Л. Н. Гумилеву).

Автор «Слова» явно симпатизирует союзу князя Игоря с ханом Кончаком, заочно помолвивших своих детей, спасаясь в одной лодке после страшного разгрома половецких войск под командованием хана Кончака в союзе с войском Новгород-Северского князя Игоря летом 1181 года. К моменту похода Игоря в Половецкую степь этот союз укрепился уже тем, что настала пора женитьбы 15-летнего Владимира Игоревича на дочери хана Кончака Свобде Кончаковне (после крещения – Настасья).

Уж не в свадебный ли поход отправились «четыре Солнца» из «Ольгова хороброго гнезда» весной 1185 года? Так, например, А. Л. Никитин в статье «Поход Игоря: поэзия и реальность» высказывает мнение, что поход 1185 года вообще не замыслился как военный. На основании того, что Игорь впоследствии женил все-таки своего сына на дочери хана Кончака, он считает, что поход на самом деле был элементом свадебного обряда, а описание в «Слове» первого боя войск Игоря с половцами, окончившегося легкой победой, «...в исторической реальности соответствует обыкновенной инсценировке умыкания невесты»⁴². На следующий же день на пирующих совершенно неожиданно напали другие, враждебные

³⁹ Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 27.

⁴⁰ В Ипатьевской летописи под 1146 годом сообщается: «Святослав посла в Половцѣ ко уем совим, и прииде их к нему в борзѣ 300». Под 1147 годом: «Святослав же пришед ста у Нериньска, и тогда приидоша к нему послы ис Половецѣ, от ув его...»

⁴¹ Указанное сочинение. С. 180.

⁴² А. Л. Никитин. Поход Игоря: поэзия и реальность. В сборнике К вопросу стратификации «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы XI—XVI века. М., 1989. С. 132.

хану Кончаку половцы под предводительством хана Гзака. Подоспевший к концу битвы хан Кончак («сват» Игоря) спасает Игоря, взяв его на поруки. Таким образом, утверждает Никитин, получается, что в «Слове» мы видим сюжет «в то время широко распространенный в куртуазной литературе»⁴³.

Версия весьма интересная, но не слишком ли громоздок «свадебный» кортеж в составе 6—8 тыс. отборных войск, состоящий из княжеских дружин 4 князей, подвассальных великому черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу, который от своих щедрот «многовоевых» выделил целый кавалерийский полк обрусевших степняков-ковуев под воительством боярина Ольстина Олексича?

К этому вопросу мы вернемся несколько ниже, а пока обратимся к событиям, происходившим в Чернигове в 1078 году, которые так ярко описаны в «Слове о полку Игореве». Правление Олега Святославича и его двоюродного брата Бориса Вячеславовича, захвативших в августе 1078 года Чернигов после битвы на реке Сижнице, было недолгим. Осенью этого же года к Чернигову подошли со своими дружинами и ополчением два сына Ярослава Мудрого Изяслав и Всеволод, а также их сыновья Ярополк и Владимир Мономах. «Халифы на час» соправители Черниговского княжества Олег и Борис, находившиеся в походах, поспешили на выручку, и 3-го октября 1078 года у села на Нежатиной ниве состоялась одна из самых кровавых битв в истории междоусобных войн потомков Ярослава Мудрого. Битве на Нежатиной Ниве посвящен обширный фрагмент в «Слове о полку Игореве», в котором прямо или косвенно упоминаются все основные участники битвы: Олег Святославич и Борис Вячеславич с одной стороны, Всеволод Ярославич, Владимир Мономах и не названный по имени убитый Изяслав Ярославич, с другой. Тело убитого князя Изяслава по тексту «Слова» и вопреки летописи везет в Киев не Ярополк, а другой его сын – Святополк Изяславич. Вот этот фрагмент повести: «...Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше // и стрелы по земли сеяше. // Ступаетъ въ златъ стремянь въ граде Тмутаракане, // той же звонъ слыша давний великий Ярославъ, // а сынъ Всеволожь Владимиръ, // по вся утра уши закладаше въ Чернигове. Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе // и на Канину зелену пополому постла // за обиду Олгову // храбра и млада князя. // Съ тоя же Каялы Святополькъ полелея отца своего // между угорьскими иноходьци // ко святой Софии къ Киеву».

Олег Святославич хотел уклониться от битвы со своими дядьями и двоюродными братьями и сказал якобы Борису Вячеславичу: «*Не пойдём против них, не можем мы протостоять четырем князьям, но пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим*». Но Борис был непреклонен: «*Ты готови зри, азъ имъ противень вс#мъ*» («Смотри, я готов и стану против всех») ⁴⁴. Летописец дважды подчеркивает хвастовство Бориса Вячеславича, за что тот и был сражен в начале битвы: «*Первоу убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившася вельми*» ⁴⁵. Следующий пал старший сын Ярослава Мудрого, великий киевский князь Изяслав: «*Изяславу же стоящу в пеших, и внезапно приехав един, удари и копьем на плече. Тако убоен бысть Изяслав, сын Ярославль*» ⁴⁶.

После гибели Бориса Вячеславича, понимая что дальнейшее сопротивление бесполезно, Олег с остатками дружины бежал в Тмутаракань, где в это время княжил его брат Роман Святославич («Красный»). Последствия битвы на Нежатиной Ниве были таковы, как сказано в ПВЛ: «*Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв*

⁴³ Там же. С. 134.

⁴⁴ *Повесть временных лет*. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 132.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира <Мономаха> в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров»⁴⁷.

В Тмутаракани в это время события развивались следующим образом. Решив отомстить теперь уже великому Киевскому князю Всеволоду (своему дяде) за позор, учиненный Олегу, Роман Святославич, заключив союз с половцами, двинулся к Киеву (1079 год). Однако выступивший против него Всеволод Ярославич сумел подкупить половцев, которые при отступлении войска «красного Романови Святъславличю» предательски убили его 2-го августа 1079 года под Переяславлем. Летописец отмечает: «И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море к Царьграду. Всеволод же посадил в Тмутаракань посадником Ратибора»⁴⁸.

О каких хазарах пишет летописец, не понятно, поскольку их со времен Святослава Игоревича ни в Тмутаракани, ни в ее окрестностях не было и в помине. Советский историк Г. Г. Литаврин высказал предположение, что термин «козары» обозначал резидентов секретной службы Константинополя, которые специализировались на захвате знатных лиц. Между византийским двором и Всеволодом Ярославичем существовало якобы соглашение, по которому Олег Святославич был захвачен этими агентами и сослан в Византию⁴⁹. Тмутаракань при посаднике Ратиборе за отсутствием твердой власти со стороны князей Рюриковичей стала яблоком раздора и легкой добычей так называемых «князей-изгоев», то есть Рюриковичей, не получивших уделов для своего «кормления». Одним из таких «изгоев» был Володарь Ростиславич – сын отравленного в 1066 году князя Ростислава Владимировича, который некоторое время княжил в Тмутаракани. Володарь Ростиславич вместе с другим князем-изгоем Давыдом Игоревичем свергли Ратибора и стали тандемом править Тмутараканским княжеством вплоть до возвращения Олега Святославича из изгнания.

Историю Тмутаракани XI—XII веков необходимо рассматривать и в аспекте связей двух крупнейших государств восточного христианского мира – Руси и Византии. В середине XI века Херсонес, центр византийских связей с Причерноморьем и Древнерусским государством, приходит в упадок. Византийская империя, находясь в не менее трудном положении (борьба с турками-сельджуками), обратила свои взоры на богатую и многообещающую Тмутаракань. Для выхода на богатую нефтью Тмутаракань и был использован в качестве «разменной монеты» плененный в 1079 году Олег Святославич по распоряжению правившего тогда в Византии Никифора III Вотаниата. После смерти последнего в царствование вступил Алексей I Комнин (1081—1118 годы), совершивший государственный переворот. Он узнает от приближенных, что на Острове Родос в течение двух лет и двух зим проживает русский князь Олег, которого он решил использовать в своих далеко идущих планах.

Угроза империи со стороны турок была столь очевидна, что Алексею I приходится лихорадочно искать пути к ее спасению. Главное военное могущество Византии, наводившее в течение веков страх и ужас на соседей, – «греческий огонь» – постепенно исчезает. Источники нефти – основы «греческого огня», находившиеся в Малой Азии, – оказываются в руках турок, и вот здесь-то внимание императора привлекает Тмутаракань, единственно свободный для Византии нефтеносный район. Узнав, что Тмутаракань ушла из рук Всеволода Ярославича, Алексей I вспоминает о знатном пленнике. Олег оказывается в Константинополе, где вскоре венчается с Феофанией Музалон и становится послушным орудием в руках императора, исполнителем его воли.

Женитьба на Феофании была не простым актом. Брак со знатной гречанкой доставил Олегу Святославичу неплохое приданое. Род Музалонов занимал видное положение

⁴⁷ Там же. С. 133.

⁴⁸ Там же. С. 134.

⁴⁹ Г. Г. Литаврин. Русь и Византия в XII веке // «Вопросы Истории», 1972. № 7. С. 38—40.

среди господствующего класса гражданской знати Византийской империи. Из 16 семей, чьи социальные функции были связаны с церковью, Музалоны были среди первых. Из их рода, например, был константинопольский патриарх Николай IV (1147—1151), в их семьях были также крупные литераторы⁵⁰.

В 1083 году Олег и Феофания, видимо при поддержке военных сил Византийской империи, возвращаются Тмутаракань. *«Приде Олегъ из Грекъ Тмутараканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и с#де Тмутаракани. И ис#че козары, иже б#иша св#тницы на убьеные брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти»*⁵¹. То есть: «В год 6591 (1083) пришел Олег из Греческой земли к Тмутаракани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил». То есть, заняв Тмутараканский престол, Олег Святославич в первую очередь расправился с «козарами», выдавшими его Византии.

С возвращением Олега в Тмутаракань началось и поступление нефти в империю для военных нужд. Необходимо еще раз подчеркнуть ту большую значимость, которую имела Тмутаракань для Византии как нефтеносный район. На это обращал внимание еще Константин Багрянородный: *«Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть. Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Папагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета: одно из них красное, другое – желтое, третье – черноватое.*

Да будет известно, что в Зихии, в месте по названию Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит «пыль», есть фонтан, выбрасывающий нефть.

*Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух... Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня»*⁵².

Изучив данные результатов археологических раскопок, проводившихся в Таманском и Керченском регионах во второй половине XX столетия, В. А. Захаров констатирует, что:

«Тарой для перевозки нефти служили так называемые черносмоленные кувшины, в большом количестве находимые при раскопках Тмутараканского городища. Химический анализ смолистого вещества, которым покрыты внутренние стенки этих сосудов, показал, что это остатки нефти таманского и керченского происхождения. Количество черносмоленных сосудов огромно. Только во время раскопок 1983 года было обнаружено свыше 30 тыс. фрагментов. Примерно такое же количество было найдено и в 1984 году. Впервые черносмоленные кувшины встречаются в слоях IX века и составляют лишь незначительную часть масового керамического материала. Наибольшее же количество их падает на слои X– XII веков, т. е. на период тмутараканского времени и период владения городом Византией, в слоях XIII века их уже нет»⁵³.

«Греческий» или «живой» огонь не давал покоя не только Византии, знали о нем и на Руси, знали и половцы, и те и другие хотели им владеть. Так, в Ипатьевской летописи есть сообщение под 1184 годом: *«Бяше бо обр#ль (Кончак) мужа такового, бесурменина, иже стр#ляше живым огньмь: бяху же у них луци тузи самостр#лнии, едва 8 мужь можащеть напращи... Кончакъ же то видивъ, зан# утече чересь дорогу, и мьнищю его яша, и оного*

⁵⁰ В. А. Захаров. Тмутаракань и «Слове о полку Игореве», в сборнике «Слове о полку Игореве» // Комплексные исследования, М., «Наука», 1988. С. 212—213.

⁵¹ *Повесть временных лет*. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 134.

⁵² Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 320.

⁵³ Вышеуказанное сочинение В. А. Захарова. С. 213—215.

бесурменина яша, у него же бяшетъ живыи огонь».⁵⁴ В том же году этого «бесурменина» Владимир Глебович Переяславский взял в плен и привел к Святославу в Киев.

Таким образом, Олег Святославич стал наместником византийского императора в нефтеносных районах Причерноморья, что подтверждается также известной печатью князя, в легенде которой перечислены эти районы: «*Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии*»⁵⁵.

Вторичное появление Олега в Тмутаракани носило иной, нежели это было прежде, характер. Если в 1079 году он даже не был соправителем своего брата Романа, то в 1083 году это уже самостоятельный князь, противопоставивший себя коалиции русских князей. Свидетельств тому немало. Прежде всего, это наличие печатей как самого Олега Святославича, так и его жены Феофании, со столь же громкой титулатурой: «*Господи, помоги рабе твоей Феофано, архонтисе Росии, Музалониссе*»⁵⁶.

Очень символичен и тот факт, что Олег именуется себя и свою жену «архонтом» и «архонтисой». В данном случае титул «архонт» имеет не только значение «наместник», «владелец власти», здесь греческое «архон» соответствует хазарскому «каган», или в Киевской Руси «великий князь»⁵⁷. В данной связи любопытно, что предки Олега – его отец Святослав Ярославич (бывший князь Тмутараканский) и дед Ярослав Мудрый – кроме того, что они были великие князья киевские, имели еще и титул кагана. Да и сам Олег именовался, вероятно, «каганом». Подтверждение этому мы видим в «Слове», где Олег имеет титул кагана: «*Рекъ Боянь и ходы на [Ходына] Святъслава пшнотворца старого времени Ярослава, Ольгова коганя хоти...*»⁵⁸. По мнению А. П. Новосельцева, к концу XI – началу XII века титул «каган» был уже архаичен, лишь «на задворках “империи Рюриковичей” в Тмутаракани этот титул мог известное время сохраняться»⁵⁹.

Внимание многих исследователей уже давно привлекают географические названия, перечисленные на легендах печатей Олега и Феофании. Так, Олег владеет не только Тмутараканью, но и сопредельными территориями – Зихией и всей Хазарией, – т. е. довольно обширной областью, охватывающей Предкавказье (бассейн реки Кубань), Причерноморье и Приазовье. В титуле Феофании спор вызывало географическое название «Росия». Некоторые авторы видели в этом указание на принадлежность к Киевской Руси. Однако В. Л. Янин считает, что владельцем печати могло быть только лицо, «обладающее реальной властью, но каких-либо территориальных указаний этот титул в себе не содержит, кроме самого общего указания на Русь»⁶⁰.

То есть в титуле Феофании нет никакой двусмысленности, кроме того, что он просто указывает, что жена Олега Святославича получила город Росию в свое владение, возможно, по брачному договору. «Передача византийской аристократке номинальной власти над частью Тмутараканского княжества могла быть компенсацией за оказанную помощь»⁶¹.

⁵⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. С. 634–635.

⁵⁵ В. Л. Янин. Печати Феофано-Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 82. Сфрагистика (от греч. sphragis – печать) – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати. Берестяные грамоты – древнерусские письма и документы XI–XV веков, процарапанные на бересте (березовая кора). В 1951–1993 годах найдено свыше 750 берестяных грамот в Новгороде, несколько грамот в Смоленске, Старой Руссе, Пскове, Витебске, Твери, Москве и др.

⁵⁶ Там же. С. 89.

⁵⁷ Там же. С. 81–82.

⁵⁸ То есть «Олегова коганова жена».

⁵⁹ А. П. Новосельцев. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 156. Новосельцев Анатолий Петрович (1933–1995 годы) – историк, членкорреспондент РАН (1984 год). Труды по древней и средневековой истории, историографии, источниковедению.

⁶⁰ В. Л. Янин. Указанное сочинение. С. 82.

⁶¹ В. А. Захаров. Указанное сочинение. С. 215.

Росия, как и Тмутаракань, имела для Византии особое значение и в XII веке находилась под властью империи. Об этом свидетельствует тот факт, что в *хрисовуле* императора Мануила I Комнина 1169 года Матраха и Росия исключались из территории, где генуэзским купцам разрешалось торговать. *«Да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества, за исключением Руси (России, Русии) и Матрахи (Матрики), если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения»*⁶².

Итак, титул «архонтиса Росии» имеет исключительно тмутараканскую принадлежность и указывает на владение городом Росия. Но где он находился? Арабский путешественник середины XII века аль-Идриси указывает: *«От города Матраха до города ар-Русийа 7 миль. Между жителями Матрахи и жителями Русийи постоянная война»*⁶³.

Все исследователи почему-то полагают, что город Росия находится на противоположной от материка стороне, и локализуют его на месте нынешней Керчи. Однако Идриси прямо указывает, что Росия располагается на берегу большой реки, которая соответствует Кубани: *«От города ар-Русийа, что на большой реке, текущей к нему с гор Кукайа»*⁶⁴. Б. А. Рыбаков отождествляет горы Кукайа со Среднерусской возвышенностью, отсюда и река, текущая с этих гор, по его мнению, Дон или Северский Донец.

Но этой точке зрения противоречат сведения аль-Идриси, описывающего после повествования о Матрахе горы Кукайа: *«В упомянутую реку Русийа впадает шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайа, а это – большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой Земли. Эти горы тянутся до тех пор, пока не достигают страны Йаджудж и Маджудж на крайнем Востоке. Они пересекают эту страну, проходя в южную сторону от темного черного моря, называемого море аз-Зифти («Смолистое»). Это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах»*⁶⁵.

Скорее всего, под именем гор Кукайа скрываются Кавказские горы, на Среднерусской возвышенности таких вершин, покрытых постоянным снежным покровом, не существует. Местоположение загадочного города В. А. Захаров предлагает искать на территории нынешнего Краснодарского края, на Таманском берегу Азовского моря: *«Совершенно определенно, что город Росию следует локализовать не в Крыму, а на Таманском берегу. Единственным местом, где мог располагаться этот город, мы считаем район нынешней станицы Голубицкой (Темрюкский район Краснодарского края). Подтверждение этому не только географическое положение – в древности здесь протекал один из истоков Кубани, – не только расстояние от древней Тмутаракани, соответствующее 27 милям аль-Идриси, но и наличие мощного средневекового культурного слоя на Голубицком городище. Проведенные в 1980 году разведывательные раскопки под руководством Ю. М. Десятчикова дали однотипный с Тмутараканью керамический материал, датируемый XI—XII веками. Вероятно, в начале XIII века жизнь на территории этого городища прекратилась, оно было разгромлено ордами Чингизхана»*⁶⁶.

Как видим, Олег Святославич не просто взял себе высокий титул «кагана», он был полноправным его наследником по линии отца, деда и прадеда, а вернувшись в Тмутаракань, стал еще и правителем («архонтом», «каганом») Хазарии (имеется в виду территория бывшего Хазарского каганата). Усматривается честолюбивое стремление Олега оказаться выше других русских князей.

⁶² Там же. *Хрисовул* – распоряжение, указ.

⁶³ В. М. Бейлис. Аль-Идриси (XII век) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 год. М., 1984. С. 212.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 213.

⁶⁶ В. А. Захаров. Указанное сочинение. С. 216.

Еще одним ярким свидетельством великокняжеских претензий Олега явился выпуск им в Тмутаракани своей монеты – привилегия, которой обладал византийский император, а на Руси – киевский князь. Серебряные монеты с надписью «*Господи, помози Михаилу*», как теперь установлено, соответствовали весу резаны южнорусской системы денежно-весовых единиц X—XI веков⁶⁷. По мнению К. В. Голенко, Олегу Святославичу принадлежит также выпуск медных и серебряных монет, ранее известных под названием «варварских подражаний». Об их тмутараканском происхождении свидетельствует как ареал их обращения, так и место находок – Таманский полуостров. «Варварские подражания», которые сейчас называют «таманскими подражаниями», повторяют тип византийских милиарисиев X—XI веков и были в XI веке основным средством денежного обращения в Тмутаракани. Обилие разновидностей свидетельствует о значительном масштабе выпуска монет⁶⁸.

Приведенные выше сведения об Олеге Святославиче («Гориславиче») подтверждают точку зрения А. Н. Робинсона об исключительности судьбы этого князя, которая повлияла «на формирование его византийско-аристократического самосознания и сепаратного политического поведения».

В 90-е годы XI века Русь становится постоянным объектом половецких набегов. Составленная С. А. Плетневой координационная таблица свидетельствует, что именно на это время и на начало XII века падает активная наступательная политика половцев, совершавших грабительские, победоносные набеги на русское пограничье⁶⁹. В засушливый 1092 года «*рать велика бяше от половець и отовсюду*», – сообщил летописец. Русь, ослабленная постоянными междоусобицами князей, не могла противостоять агрессивности половцев. В этой тяжелой обстановке умирает последний из Ярославичей – киевский князь Всеволод. Начался дележ великокняжеского наследства, в котором принял участие и Владимир Мономах. Однако силы у Святополка было больше, и Мономах удалился вновь в Чернигов. Олег, наблюдавший из Тмутаракани за событиями на Руси, двинулся со своими родичами, половцами, к Чернигову.

В 1094 году «*приде Олегъ с половеци ис Тьмуторокона, и приде Чернигову*»⁷⁰. Владимир Мономах бросает город и идет в Переяславль, Олег Святославич возвращает себе законный черниговский престол. «*Олег вниде в град отца своего*», – подчеркивает летописец справедливость действий Олега.

Но уже через два года Святополк Изяславич и Владимир Мономах изгнали Олега из Чернигова, и Гориславич обосновался в Стародубе, но ненадолго. Когда в том же году оба князя обратились к Олегу с предложением заключить договор против половцев, они получили отказ в духе Олега, который «*въсприимъ смыслъ буй и словеса величава*». Князья вновь начали против Олега войну. Больше месяца Стародуб был в осаде, пока Олег не запросил мира. Его отпустили к брату в Смоленск с условием, что они с Давыдом Святославичем заключат антиполовецкий союз. Но в Смоленске Олега встретили более чем враждебно, возможно, он попытался забрать у брата город, что ему не удалось, «*не прияша его смолняне*». Тогда, собрав дружину, Олег пошел к Мурому и стал требовать у Изяслава Владимировича город, объясняя законность своих претензий тем, что «*а то есть волость отца моего*»⁷¹. Изяслав был убит, горожане приняли Олега, который «*и перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дани поча брати*»⁷².

⁶⁷ А. А. Молчанов. Тмутараканский чекан Олега (Михаила) Святославича // СА. 1982. № 1. С. 251—254.

⁶⁸ К. В. Голенко. Подражания византийским монетам X—XI вв. найдены на Таманском полуострове // ВВ, М., 1953. Т. 7. С. 269—275.

⁶⁹ С. А. Плетнева. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 266.

⁷⁰ Повесть временных лет. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 146.

⁷¹ Повесть временных лет. С. 152.

⁷² Там же.

Однако вскоре сын Владимира Мономаха Мстислав изгнал посадников Олега, сам Гориславич бежал в Рязань, но и оттуда вскоре ушел в страхе перед Мстиславом. В 1097 году по решению Любечского съезда часть вотчины Святослава Ярославича была разделена между Олегом, Давидом и Ярославом⁷³. Что при этом досталось Олегу Святославичу, летопись умалчивает, и, как развивались дальнейшие события вплоть до 1113 года, тоже неизвестно. В. Н. Татищев отметил, что в 1113 году Олег Святославич владел и Тмутараканской землей⁷⁴. Приведенные историком сведения чрезвычайно интересны, хотя они отсутствуют в дошедших до нас источниках. Можно предположить, что на какое-то время Олег возвращается в Тмутаракань, однако его правление там было недолгим. В 1115 году он умирает в Чернигове⁷⁵.

Итак, Олег Святославич вовсе не отрицательный герой «Слова». Его действия и поступки находили объяснения и поддержку летописцев. Так, рассказывая о взятии Мурома, летописец сообщает: «*Олег же над#яся на правду свою, яко правъ б# в семь, и поиде к граду с вои... и бысть брань люта... Олег же вниде в городъ, и прияша и горожане*»⁷⁶.

Оправдывает князя и автор «Слова», с большим уважением относясь ко всему роду Ольговичей: «...*Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова*» (в данном случае подчеркнуты родословные связи героя поэмы), в других фрагментах «Слова» Ольговичи имеют титул «*храбрый*»: «*Ольговичи, храбрыи князи*». «*Дремлет въ пол# Ольгово хороброе гн#здо*» и т.д.

Симпатии автора «Слова» заметны и в насмешливом отношении к Владимиру Мономаху, отнявшему у Олега черниговский стол. Когда Олег «*ступает въ златъ стремя въ град# Тьмуторокан#*. *Тои же звонъ слыша давнии великьи Ярославъ, а сын Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигов#*».

Как считает А. Н. Робинсон, «автор не случайно предварил этот контекст указанием на различие времен Ярослава и его внуков (Олега с Мономахом): «...*минула л#та Ярославля, были плъцы... Ольга Святъславлича*». Но вслед за этим получалось, что Ярослав (умер в 1054 году) мог слышать звон золотого стремени внука только из мира потустороннего. Это естественно, такова была идеологическая реалья, отвечавшая культу предков, который существовал у князей до конца XIII века»⁷⁷. Автор «Слова» давал понять Ольговичам, «что их предок, тот же Ярослав, был удовлетворен подвигом Олега, восстановившего его завещание»⁷⁸. Мономах понимал, что нарушил завет деда жить князьям между собой в мире. Ведь это к Владимиру Мономаху относятся слова знатных киевских бояр, «*мужи смыслени*», когда он начал ссору со Святополком за киевский стол: «*Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую?*»⁷⁹. Олег находился далеко, в Тмутаракани, и вынужден был обращаться к помощи половцев, своих родственников, а Владимир там, на Руси, нередко нарушал заповедь Ярослава Мудрого.

Культ к покойному Ярославу объясняется существованием на Руси у князей до конца XIII века культа предков, к которым они обращались в трудные моменты с мольбой о помощи.

Возвращаясь к временам Игоря, автор исследования, цитируемого нами, В. А. Захаров пишет: «Обращение автора «Слова» к векам минувшим, в которых Ольговичи, несмотря на все трудности, оказались победителями, объясняло и поведение Игоря, «внука Ольгова»,

⁷³ Там же. С. 154.

⁷⁴ В. Н. Татищев. История Российская. М., 1963. Т. 2. С. 130.

⁷⁵ Повесть временных лет. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 179.

⁷⁶ Там же. С. 152.

⁷⁷ А. Н. Робинсон. Литература Киевской Руси в мировом контексте // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 9—10.

⁷⁸ Там же. С. 10.

⁷⁹ ПВЛ. СПб., «Вита-Нова». 2012. С. 141—142.

захотевшего «поискати града Тьмутороканя». Действительно ли Игорь Святославич хотел вернуть эту далекую землю, вотчину его предков черниговских князей, или это просто эпическая мечта? Ответить на этот вопрос односложно нельзя, и вот почему. Ни в одном из дошедших до наших дней письменных источников, кроме «Слова», нет и намёка на то, что Игорь отправился в поход с целью захвата, возвращения Тмутаракани. Но, с другой стороны, Игорь, вероятно, знал, что Тмутаркань находилась где-то за Доном, за полем половецким, ведь именно туда он отправился со своей дружиной: «...и рече Игорь къ дружинѣ своєї: “Братіе и дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону”». Даже солнечное затмение, которое воспринималось современниками как беда именно рода Ольговичей, как своего рода проклятие⁸⁰, не остановило Игоря: «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великого».

Почему мы так уверенно говорим: знал? Дело в том, что во времена Игоря, а точнее в 1152 году, в Ипатьевской летописи уже довольно точно определены границы расселения половцев: «...вся половецкая земля, что же их межѣ Волгою и Днѣпром». Эти границы совпадают с теми, которые указаны и в «Слове»: «Вльзѣ, к Поморию, и Посулюю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутараканьскыи блъванъ». Все это территория «земли не знаемъ»⁸¹.

Принято считать, что с уходом тмутараканского князя Олега Святославича в конце 90-х годов – начале XII века на «большую землю» в поисках по праву принадлежавшего ему Черниговского престола, Тмутаракань переходит во владения Византии, хотя документальных источников для подобного заключения не обнаружено⁸². Не подтверждается также и точка зрения С. А. Плетневой, что с начала XII и до середины XIII века Тмутаракань находилась под властью захвативших ее половцев. Олег Святославич, претендовавший даже на великий Киевский престол, не мог так просто оставить форпост Киевской Руси на ее Приазовско-Причерноморских окраинах. Надо полагать, что уходя на завоевание Черновского престола, он передал власть посадникам, если к тому времени еще не набрали силу его прямые наследники. По свидетельству В. Н. Татищева, ему, как уже отмечалось выше, приходится верить лишь на слово, в 1127 году сын Олега Святославича Всеволод выгнал «стрья своего Ярослава ис Чернигова и дружину его исече и разграби; а Ярослав иде во Тмутаракань, а отселе в Муром» (указанное сочинение. Т.

2. С. 138). В. Н. Татищев указывает, что после этого события Тмутаракань отошла к Ярославу Святославичу. Уже упоминавшийся нами арабский географ и путешественник аль-Идриси засвидетельствовал в середине XII века в Тмутаракани (Матрике) самостоятельную династию «Олуабас», которую многие исследователи считают наследниками Олега Святославича – Ольговичей⁸³. Такому мнению дает подтверждение найденный на Тамани брактратр Всеволода (Кирилла) Ольговича, сына Олега Святославича. Надпись на монете: «Помози ми, господи Кирилу», а также родовой знак – тамга – свидетельствуют о принадлежности монеты сыну Олега⁸⁴.

Однако с уходом из жизни в 1115 году Олега Святославича его потомки не смогли удержать в своих руках Тмутараканское княжество, и оно переходит во владение Византии.

⁸⁰ А. Н. Робинсон. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVIII веков. М., 1978. С. 52—56.

⁸¹ В. А. Захаров. Указанное сочинение. С. 219—220.

⁸² Г. Г. Литаврин. Указанное сочинение. С. 41—41. Он же: Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирноисторич. процессе. М. 1972. С. 237—242.

⁸³ Б. А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 43. С. 19.

⁸⁴ Н. В. Энговатов. Таманский брактратр Всеволода (Кирилла) Ольговича // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. Вып. 1. С. 103—108.

По крайней мере, в середине XII века там прочно обосновались византийцы, поскольку в 1152 году из Тмутаракани были посланы Византийские войска к северу от Азовского моря, возможно, в помощь князю Юрию Долгорукому⁸⁵.

Таким образом, со второй половины XII века Тмутаракань полностью перешла во владение Византийской империи. Запретив генуэзским купцам заходить в Матрегу с 1165 года, империя в 1169 году заключила такой же договор с Венецией, запрет этот был повторен и в 1192 году.⁸⁶

В 1237 году Матрику (Тмутаракань) посетил римский миссионер доминиканец Юлиан. Он пробыл в городе 50 дней вместе со своим спутником монахом Рихардом. В их описании Матрики сообщалось, что в городе проживает князь и народ, которые *«называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих»*⁸⁷.

Если принять во внимание вышеизложенную, не 100процентно достоверную, но достаточно убедительную аргументацию, то можно сделать вывод о том, что Тмутаракань, равно как и Тмутараканское княжество, подвассальное Великому Черниговскому княжеству, полностью было утрачено Русью уже при сыновьях Олега Святославича – Святославе и Всеволоде Ольговичах. Особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что Всеволод (Кирилл) Ольгович был отцом великого князя Киевского Святослава, при княжении которого другой внук Олега Святославича князь Игорь Святославич совершил этот загадочный поход в Половецкую землю весной 1185 года.

Среди «темных мест» и загадок «Слова о полку Игореве» загадка о целеустановке этого похода по-прежнему остается неразгаданной, несмотря на усилия выше цитируемых исследователей «Слова» второй половины XX века, которые достаточно далеко продвинулись к ее разрешению. Версия И. Г. Добродумова, согласно которой целью похода было взятие Тмутаракани, опиралась на «Историю...» В. Н. Татищева, а посему не получила признания историков и словистов по одной простой, но весьма убедительной причине: Игорь не располагал достаточными силами, чтобы, преодолев Половецкую степь, захватить, а вернее, возвратить Руси Тмутараканское княжество.

Важный шаг в направлении подтверждения версии И. Г. Добродумова сделал В. А. Захаров в своей, нами широко цитируемой статье⁸⁸. В частности, его заключение о том, что: «На 80-е годы XII века падает решение Ольговичей вернуть вотчину своего деда. Но задача оказалась невыполненной» – слова, которые, на наш взгляд, оказались пророческими. Правда, Владимир Алексеевич сделал при этом (в скобках) оговорку – «(по словам автора «Слова»)»⁸⁹.

К решению «загадки» близко подошел А. Н. Робинсон, который, похоже, внимательно следил за изысканиями В. А. Захарова, поскольку тот предварил статью словами: «Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук А. Н. Робинсону за помощь и консультации при написании этой работы»⁹⁰. На наш взгляд, кажется весьма странным то обстоятельство, что В. А. Захаров, плотно опекаемый А. Н. Робинсоном, не учел в своих изысканиях его замечание об особых отношениях князя Игоря и хана Кончака, и не только потому, что они были «сватами». Кроме того, мы считаем, что хотя свою версию о цели похода князя Игоря В. А. Захаров отнес насчет автора «Слова», но этим самым

⁸⁵ А. П. Каждан. Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII веке // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М. 1972. С. 235—236.

⁸⁶ Г. Г. Литаврин. Указанное сочинение. С. 40.

⁸⁷ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории восточной Европы X века // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 78.

⁸⁸ В. А. Захаров. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования, М., «Наука». 1988. С. 203—221.

⁸⁹ Там же. С. 221.

⁹⁰ Там же. С. 203.

он «подыграл» скептикам, поскольку невольно согласился с тем, что автор «Слова» был осведомлен о походе Игоря больше, чем летописцы всех повестей, где упоминается этот поход. Такого вывода не мог сделать современник событий, поскольку летописные повести появились гораздо позднее предполагаемого времени написания «Слова». Автор «Слова» в таком случае должен был обладать всем объемом информации, имеющейся в летописях, чтобы сделать вывод о том, что летописцы старательно замалчивали истинные обстоятельства, предшествующие походу князя Игоря, заменяя их надуманными версиями, далекими от действительности.

И все-таки В. А. Захаров заканчивает свою глубокосодержательную статью следующими словами: *«Автор «Слова» символически передал известие о пленении Игоря, желавшего «поискати града Тмутараканя», Кончаком: в подтверждение «вещего» сна бояре рассказали Святославу, что «два сокола» (Игорь и Всеволод) не дошли до Тмутаракани, а оказались в плену, опутанные “въ путины жел#зны”»⁹¹.*

На наш взгляд, также *«символически передал...»* он своим читателям свое твердое убеждение, что целью похода Игоря Святославича было возвращение Тмутаракани, то есть бывших причерноморских владений черниговских князей, но открыто об этом заявить он не посмел в условиях тотального давления общепринятых взглядов на этот поход, культивируемых школой академика Д. С. Лихачева.

Так было ли целью похода Игоря Святославича в Половецкую степь завоевание Тмутаракани? Положительно ответить на этот вопрос В. А. Захаров не решился, как уже отмечено выше, по одной, но весьма убедительной причине: ни в одном из дошедших до нас источников, кроме самого «Слова», нет упоминания о похожем событии. Так что нам ничего иного не остается делать, как обратиться к самому надежному источнику, а именно к тексту «Слова о полку Игореве».

Если вчитаться в лаконичные строки этого бессмертного «источника», имея в виду найти в них доказательство интересующего нас вопроса, то обнаружатся удивительные аргументы в подтверждение этой версии. Но найти эти аргументы непросто, равно как непросто порой найти значение неизвестных в алгебраической системе уравнений. Для этого прежде всего необходимо составить эту систему с учетом того, чтобы количество уравнений равнялось (по крайней мере было не больше) количеству неизвестных.

Количество «неизвестных», или «почему?», в «Слове» весьма большое, вот некоторые из них:

Во-первых, почему князь Игорь пренебрег грозным для Ольговичей предзнаменованием – солнечным затмением – и не отложил свой поход до лучших времен, учитывая, что никакого позора в этом для него не было бы? Многочисленные исследователи этого вопроса ссылаются на данные летописей, что затмение застало Игоревое войско чуть ли не в середине пути (а по Лаврентьевской летописи, по которой поход начался якобы даже не 23, а 13 апреля, это уже более 2/3 пути) и возвращаться было уже поздно. Так ли это? Поскольку считается, что «Слово» написано по горячим следам произошедших событий, когда никаких летописных версий еще не было и в помине, то автор повести писал, как говорится, «с натуры», не заглядывая ни в какие источники. По авторской версии солнечное затмение, произошедшее 1 мая 1185 года, застало Игоревое войско в самом начале похода, а вернее на его старте.

Обратимся к первоисточнику, в данном случае к «Зачину» повести, где автор говорит о цели похода князя Игоря:

Почнемъ же братие, повесть сию
отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря.

⁹¹ В. А. Захаров. Вышеупомянутое сочинение. С. 221.

иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ:
наплънися ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половецкую
за землю Руськую.

Не грабить половецкие вежи направляется князь Игорь, а воевать «за землю Руськую». Как же далеки от истины многочисленные исследователи «Слова», которые видели в этом походе чисто захватнические цели. Вот как, например, об этом пишет академик Б. А. Рыбаков: «Игорю, ум которого был опален жаждой удачи, удалось преодолеть сомнения своей дружины и вопреки грозному предзнаменованию повести полки навстречу судьбе. Автор («Слова» – А. К.) явно отрицательно относился к затее Ольговичей накануне большой общерусской кампании тайно от всех, уклонившись от участия в общем деле, *напасть на пограничные кочевья, урвать свою долю и, ополонившись, возвратиться восвояси*»⁹². Какие страшные, несправедливые обвинения в адрес героя повести («*напасть на пограничные кочевья*», «*урвать свою долю*» и т. д.), тогда как автор, вопреки мнению академика, вовсе не «...*отрицательно относился к затее Ольговичей*», а совершенно четко и однозначно определил цель похода «...*за землю Руськую*». За свою землю идут воевать, вернее, отвоевывать ее, когда она захвачена неприятелем. Половцы русские земли грабили, это точно, но они их не завоевывали, не облагали жителей данью, поскольку за более чем столетие между двумя этносами сложилось некое динамическое равновесие. Взаимные набеги на соседей ограничивались грабежами приграничных поселений, поджогами селений, но, «ополонившись», как те, так и другие «возвращались восвояси. Игорь тем более не мог идти в поход за возвращением русских земель, захваченных половцами, поскольку буквально за несколько недель до его похода Великий киевский князь Святослав Всеволодович объединенными дружинами нескольких князей далеко отогнал половецкие войска, пытавшиеся пограбить приграничные поселения русских в зимнюю кампанию начала 1185 года. Тогда за какую землю Русскую отправился воевать князь? Да все за ту же – Тмутаракань, полтора века которой владели Черниговские князья, но после деда своего Олега Святославича захваченную Византией.

Не было никакой тайны в том, что войско Игоря не секретно, не крадучись «аки тать в нощи», отправилось в дальний поход. Напротив, автор, обращаясь к *вещему Бояну* (идругому – *соловью старого времени*), предлагает им воспеть этот исторический поход, правда, каждый по-своему. Вот как воспел бы этот поход *Боян – соловей старого времени*:

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего
времени,
рища въ трону Трояню
чресь поля на горы.
Пети было песнь Игореву,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чресь поля широкая —

⁹² Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич // Поиск автора «Слова о полку Игореве», М., «Молодая гвардия», 1991. С. 70.

галици стады бежать
къ Дону великому.

А вот **другой Боян – вещий, Велесов внук**, – тот, как следует из первой строфы песни, под облаками не летает, соловьем по «мыслену древу» не скачет и серым волком по земле не рыскает, а просто под чарующие звуки своих гуслей поет о том, что происходит буквально на его глазах:

Чи ли въспети было,
вещей Бояне, Велесов внуче:
«Комони ржут за Сулою
звенить слава въ Кыеве;
трубы трубять въ Новеграде
стоять стязи въ Путивле!

Какая здесь тайна? Весть о походе птицей летит из Новгород-Северского через стольный Киев град, где в честь похода, похоже, Великий Киевский князь устроил прием да с банкетом (по тем временам закатил пир), ибо наряду с трубами, возвещающими поход в Новгороде, и полной боевой готовностью путивльской дружины князя Владимира Игоревича, «звенит слава в Кыеве», благословляя князя Игоря на свершение великого подвига – вернуть Руси исконные ее земли, «...за землю Руськую».

Кстати, именно в этот момент великого ликования, связанного с походом в Половецкую степь князя Игоря, и происходит солнечное затмение. Недаром автор поэмы между двумя строфами, посвященными двум Боянам, помещает столь важный куплет песни, показывающий переживания как самого Игоря, так и его дружины в связи с начавшимся солнечным затмением, которое летописец описывает так:

«В лето 6693 (1185) месяца мая 1 день во звонение вечернее бысть знамение в солнци: морочно и помрачно бысть вельми, яко на час и боле. И звезды видеть и человеком в очию яко зелено бяше. А в солнци учинися аки месяц, из рог его яко огонь жарящъ исхождаше и страшно бе человеком видети знамение божие!»

Вот, казалось бы, веская причина, чтобы отложить начало похода в такой тревожный день. И никто бы не осудил его, памятуя, что этот божественный знак преследует Ольговичей, предрекая им большие несчастья. Но что-то удерживает полководца от принятия совершенно очевидного решения, которое подсказывают ему бояре.

Тогда Игорь възре
на светлое солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружине своей:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзья комони.

да позримъ

синего Дону».
Спаль князю умь
похоти,
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
*«Хощу бо, – рече, – копие приломити
конець поля Половецкаго;
съ вами, русици, хощу главу
свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону.»*

Этот фрагмент повести, как бы искусственно вставленный между двумя строфами – обращениями автора к двум Боянам, – несет важнейшую смысловую нагрузку, а именно призван убедить слушателей (читателей, будущих исследователей), что затмение Солнца застало войско на самом последнем этапе их сборов. Не поняв замысла автора, большинство исследователей и переводчиков (реконструкторов) «Слова», с легкой руки академика Б. А. Рыбакова, изымают этот фрагмент из контекста первоисточника и переносят его в конец «Зачина» между строфами, посвященными монологу Буй Тура Всеволода, с одной стороны, и строкой, начинающейся словами: *«Тогда вьступи Игорь Князь вь злать стремя // и поеха по чистому полю»*, с другой.

Безусловно, такая перестановка делает текст «Зачина» логически более последовательным, когда следствие не опережает причину, и грамматически более правильным, но при этом утрачивается понимание замысла автора, убеждающего нас, что затмение застало миссию князя в самом ее начале. А коль скоро так, то можно за основу безоговорочно принять утверждение автора Ипатьевской летописи, которая повествует: «...Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рьльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит, словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: *«Видите ли? Что значит знамение это?»*. Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: *«Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!»*. Игорь же отвечал: *«Братья и дружина! Тайны божественной никто не ведает, а знамение творит бог, как и весь мир свой. А что нам дарует бог – на благо или на горе нам, – это мы увидим»*.

И сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска⁹³. Итак, Ипатьевская летопись убеждает нас, что поход Игоря начался 23 апреля 1185 года во вторник. Поход был приурочен ко дню ангела, то есть ко дню рождения Георгия Победоносца, поскольку при крещении Игорь получил имя Георгий. Так ли это было на самом деле и стоит ли безоговорочно принимать указанную дату в качестве отправной точки для начала похода? Сомнительно уже потому, что Лаврентьевская летопись называет иную дату – 13 апреля. Чтобы примирить летописцев этих документов, исследователи прибегают к «неопровержимому» аргументу: виноват переписчик, перепутав единицу с двойкой, тем более что в летописной литературе цифры обозначались буквами. Ссылки на невнимательных, а порой малограмотных переписчиков стали в

⁹³ Цит. по: Летописная повесть о походе князя Игоря // Злато слово // История отечества. М., «Молодая гвардия». 1986. С. 262. (см. Приложение – 5)

руках исследователей, переводчиков, реконструкторов и просто любителей древнерусского летописного наследия прямо-таки рабочим инструментом, с помощью которого можно все что угодно доказать или опровергнуть. Но вот мы представим себе ситуацию, когда никаких летописей еще нет, а автор повести доподлинно знает хронологию событий, связанных с бесславным походом князя Игоря, и воспроизводит их в своем сочинении именно так, как оно было в действительности.

Обратимся вновь к тем строфам «Зачина», вернув «вклинившуюся» строфу на ее «законное» место:

Почнемъ же, братие, пов#сть сию
отъ стараго Владимира до нын#шняго Игоря,
иже истягну умь кр#постию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Полов#цкую,
на землю Руськую.
О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресь поля на горы!
П#ти было п#снь Игореву,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая —
галици стады б#жать
къ Дону великому».
Чи ли въсп#ти было,
в#щей Бояне,
Велесовь внуче:
«Комони ржутъ за Сулою —
звенить слава въ Киев#;
трубы трубятъ въ Нов#град# —
стоять стязи въ Путивл#!»
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй турь Всеволодь:
«Одинъ братъ,
одинъ св#тъ св#тлый —
ты, Игорю!
оба есв# Святъславличя!
С#длай, брате,
свои бръзыи комони,
а мои ти готови,
ос#длани у Курьска напереди.
А мои ти куряни св#доми къмети:
подь трубами повити,

подъ шеломы възл#л#яны,
конецъ копия възкръмлени;
пути имъ в#доми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изьострени;
сами скачють, акы с#рыи вльци въ пол#,
ищучи себе чти, а князю слав#».

Тогда Игорь възр#
на св#глое солнце
и вид# отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружин# своей:
«Братие и дружино!
Луце жь бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзья комони,
да позримъ
синего Дону».
Спаль князю умъ
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хошу бо, – рече, – копие приломити
конецъ поля Половецкаго;
съ вами, русици, хошу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вьступи Игорь князь въ златъ стремянь
и по#ха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь стонуци ему грозою птичь убуди;
свистъ зв#ринъ вьста,
збися дивъ —
кличеть врѣху древа,
велить послушати – земли незнаем#,
Вльз#,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и теб#, Тьмутороканьский блъвань!
А половци неготовами дорогами
поб#гоша къ Дону великому:
крычать т#л#гы полунощы,

рци, лебеди распущени.
Игорь къ Дону вои ведеть!

Как видим, в авторской редакции последовательность событий перед началом похода следующая:

– автор повести трактует цель похода князя Игоря «... за землю Русскую»;
– после того как автор повести словами двух Боянов обрисовывает предпоходную ситуацию в трех городах (Киеве, Новгороде-Северском и Путивле), «*Игорь ждет мила брата Всеволода*»;

– по прибытии к месту сбора (или путем обмена посылными) Всеволод докладывает о своей готовности выступить, мало того, он поторапливает старшего брата: «*Седлай брате // свои бръзьи комони, ...*»;

– Всеволод ускакал в свои уделы, наступила 2-дневная пауза в ожидании сигнала от него, что он готов выступить одновременно со всеми, а в это время: «*Тогда Игорь възр# // на св#тлое солнце // и вид# от него тьмою // вся свою войя прикрыты*». То есть наступила среда 1-го мая 1185 года, когда случилось солнечное затмение;

– но это мрачное предзнаменование не остановило решение, которое принимал не один князь Игорь, выступить немедленно (возможно, утверждались сроки выступления на заключительном совещании князей): «*а всядем, братие, // не свои бръзья комони // да позрим // синего Дону*»;

– сказано – сделано: «*Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь // и поеха по чистому полю. // Солнце ему тьмою пусть заступаше...*»;

– судя по всему, число 23 апреля тоже знаковое, именно в этот день, день святого Георгия Победоносца, то есть день рождения Игоря Святославича (по церковному календарю Георгия Николаевича), и было принято на военном совете у Великого Киевского князя Святослава Всеволодовича судьбоносное для Русской Земли решение о завоевании Тмутаракани. То есть не случайно эта дата фигурирует в Ипатьевской летописи, будучи ошибочно истолкована как день выступления князя Игоря. На все про все с момента принятия решения до непосредственного выступления и потребовалась целая неделя с 23 по 30 апреля. Срок немалый и вполне достаточный, чтобы по каналам половецкой разведки о походе узнали и Причерноморские, и Приазовские стойбища половцев: «*...земли не знаеме, // Вльзе, // и Поморию, // и Посулию, // и Сурожу, // и Корсуню, // и тебе, Тьматороканский блъван!*»

– весть о том, что: «*Игорь къ Дону вои ведеть!*», докатилась даже до Поволжья (*Вльзе*) и до византийских городов, расположенных на Крымском полуострове – Сурожя и Корсуна (современные Судак и Херсон).

То есть вся Половецкая степь пришла в возбуждение вовсе не потому, что немногочисленное войско (6—8 тыс. человек) князя Игоря отправились в поход на завоевание далекой Тмутаракани (маловато войск для решения столь грандиозной задачи), видимо, из-за утечки информации половцам стало известно о каком-то стратегическом замысле Великого Киевского князя Святослава Всеволодовича. Каким? Об этом немного позднее, а сейчас закончим наконец формирование первого уравнения системы, одним из неизвестных параметров которого является время выступления князя Игоря.

Любознательный читатель: довольно оригинальная трактовка событий, связанных с походом князя Игоря в Половецкую степь. Но вот «на засыпку» три вопроса, которые, если и не отвергают полностью вашу версию, но серьезно ее подтачивают.

Почему вы полагаете, что после переговоров со своим младшим братом Игорь «*вступил в злат стремянь*» перед самым походом, а не на границе с половецкой степью, поскольку, поджидая Всеволода, войско Игоря спешилось, а после встречи вновь пришлось ему «*всту-*

пять в злат стремь»? Далее, «вступив в злат стремь», Игорь «поехал по чистому полю». Действительно, перед ним открывалась чистая половецкая степь. А вот до встречи войск ему пришлось ехать не по степи, а по лесостепи и даже огибать широкие лесные массивы, в основном дубравы, которыми так богата была в те времена русская земля? И, наконец, о каких это двух Боянах идет речь? Насколько нам известно, за более чем 200-летний период изучения «Слова о полку Игореве» речь шла об одном Бояне, но который мог перевоплощаться то в соловья, то в серого волка или в сизого орла?

Начнем с последнего вопроса.

Еще великий поэт земли Русской и не менее великий исследователь «Слова о полку Игореве» Александр Сергеевич Пушкин обратил внимание на *«противурение»*, имевшее место в «Зачине» «Слова». Вот автор «Слова» говорит о *Бояне-оборотне*:

Боянь бо вещей,
аще кому хотяше песнь творити,
то *растекашется мыслию по древу,*
серымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо, рече,
первых времянь усобице.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей:
которыи дотечаше,
та преди песнь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ пълки касожьскими,
красному Романови Святъславличю

...который может оборотиться в зверя (*«серым вълком по земли»*) или птицу (*«шизымъ орломъ подъ облакы»*) или вообще растечься *«мыслию по древу»*. По поводу стиха *«...растекашется мыслию по древу»* Пушкин делает весьма остроумное замечание: «Не решу, упрекает ли здесь <автор> Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку или даже поправку, впрочем, незначительную: *растекашется мыслию по древу* – тут пропущено слово *славием*, которое довершает уподобление; ниже сие выражение употреблено».

Действительно, при втором обращении к Бояну автор поправил этот стих, восклицая: «О Бояне, сословию старого времени // Абы ты сия плькы // ушекоталь, // скача, *славлю*, по мыслену древу...». Тогда с учетом поправки Пушкина этот стих в первом обращении к Бояну выглядел бы так: *«...то растекашется славий мыслию по древу...»*, и все становилось бы на свои места. А именно: вещей Боян дважды мог обращаться в птицу – однажды в соловья (то есть будучи поэтом), а в другой раз в «сизого орла», который парит под облаками (тут певец, похоже, выступает в роли духовного лица).

Однако автор «Слова» без всякого объяснения заявляет слушателям (читателям, будущим исследователям), что это был один Боян (скажем, «Боян-первый», или «Боян-оборотень»), а вот на сцену выступает другой Боян, вполне понятный и земной («Боян-второй», или «Боян-певец»), прямой антипод «Бояну-первому»:

Боянь же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедей пушаше,
нъ своя в#щиа пръсты

на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Так что проблема существования в повести двух Боянов не нами придумана, она обозначена в «Зачине» самим автором. Другое дело, что можно было бы во избежание путаницы «Первого Бояна» («Бояна-оборотня») назвать другим именем, скажем, «Трояном», то есть трехликим Бояном, но автор этого не делает, поскольку это имя широко фигурирует в повести, но в другом качестве. Впрочем, к проблеме «Боянов-Троянов» мы позднее еще возвратимся.

Однако вернемся к двум другим вопросам, заданным Любопытным читателем. Начнем со второго.

Замечание по поводу «чистого поля» вполне уместно, но нужно не забывать, что поэма просто заполнена аллегориями, и «чистое поле» здесь не исключение. Противостояние русичей и половцев как этносов дополняется их религиозным противостоянием, поскольку первые, исповедующие православие («чистые»), противопоставляются половцам-язычникам («поганые»). Аллегория «чистые – поганые» распространяется на все окружающее пространство, в том числе и на их территории обитания. Если территория, где проживают православные русичи, иносказательно называется «чистым полем», то соответствующая территория или ареал обитания «поганых язычников» будет именоваться «поганим полем». А посему, если Игорь, вступив в «злат стремень», «поеха по чистому полю», то он еще на родной земле, причем в самом начале своего 17-дневного пути к «Дону Великому».

Если Любопытного читателя удовлетворяет ответ на его второй вопрос, то необходимость отвечать на первый автоматически отпадает.

Таким образом, хронология этапов движения Игоревы войска следующая:

- Начало похода в день солнечного затмения (среда 1го мая 1185 года);
- Время стоянки в ожидании войска Буй Тур Всеволода 6—7 мая 1185 года);
- Движение объединенного войска до первой стычки с половцами – 7—17 мая;
- Стычка с половцами, закончившаяся победой русичей – 17 мая (пятница – «Съ зарания въ пятокъ»);
- Сражение на реке Каяле – 18—19 мая (суббота, первая половина воскресенья);
- Разгром русского войска, пленение князей, в том числе князя Игоря, – 19 мая 1185 года.

В дополнение к вышеприведенной аргументации, обосновывающей дату начала похода Игоревы войска (1-е мая 1185 года), можно привести еще два немаловажных аргумента. Во-первых, более позднее начало похода весьма благоприятно с той точки зрения, что к этому времени весенняя распутица уже подходила к концу, то есть «грязевых мест» по пути следования войск встречалось намного меньше, чем это было неделю назад. И, во-вторых, к моменту начала смертельной для русичей схватки с превосходящими силами половцев (18 мая) в этой климатической зоне уже установилось лето, которое в тот год выдалось исключительно жарким. Поэтому как воины, так и их кони испытывали мучительную жажду, что нашло отражение в стенаниях Ярославны:

Ярославна рано плачеть
въ Путивл# на забрал#, аркучи:
«Св#тлое и тресв#тлое слънце!
Вс#мъ тепло и красно еси:
*чему, господине, простре горячую свою лучю
на лад# вои?*
Въ поле безводн# жаждею имь лучи съпряже,

тугою имъ тули затче?

Итак, при составлении первого уравнения системы уравнений для поиска нескольких «загадочных» неизвестных, сопровождающих поход князя Игоря в Половецкую степь, которое было сформулировано в начале раздела (...почему князь Игорь пренебрег небесным предзнаменованием и вопреки здравому смыслу не отложил свой поход...), мы попутно установили дату начала похода – *1 мая 1185 года, среда*.

Перейдем к составлению второго уравнения системы, в котором попытаемся выяснить некую «загадочную» роль Великого Киевского князя Святослава в организации похода князя Игоря в Половецкую степь, наличие которого, возможно, приблизит нас к решению основной задачи: какова была конечная цель похода князя Игоря.

Любознательный читатель:

– Позвольте, причем здесь Святослав, если исписаны горы бумаги, где уже давно доказано, что он о походе Игоря – ни сном ни духом. Он в это время организовывал мобилизацию войск в северо-восточных княжествах Руси, собираясь на все предстоящее лето воевать с половцами. А узнав о сепаратном походе Игоря, возвращаясь в Киев через Черниговские княжества, был потрясен изменой своих двоюродных братьев настолько, что, похоже, серьезно заболел, о чем и автор «Слова» иносказательно пишет, придумав «мутный сон Святослава».

– Горы бумаги исписаны на эту тему потому, что пишущие, равно как и вы, мой уважаемый читатель, ссылались и продолжают ссылаться на соответствующий раздел Ипатьевской летописи, стопроцентно доверять которой не стоит. Мы в этом уже убедились при составлении первого уравнения искомой системы по поводу даты начала Игорева похода. Вот этот фрагмент: «А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездиловича⁹⁴ с берендеями на поганых половцев. С божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать первого апреля, на самый Великий день⁹⁵. В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей⁹⁶, к Корачеву⁹⁷.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов⁹⁸, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день⁹⁹, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими¹⁰⁰. *И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое*».

Итак, 21 апреля – воскресенье и одновременно начало Пасхальной недели, и все воины возвращаются из походов: как полк берендеев под воительством Романа Нездиловича с бога-

⁹⁴ «...послал Романа Нездиловича...» – Роман Нездилович – боярин, воевода князя Святослава Киевского. Летописцы называли по имени и отчеству лишь знатных людей, как правило, князей или бояр, а также половецких ханов.

⁹⁵ «...Великий день...» – одно из названий Пасхи.

⁹⁶ «...в землю вятичей...» – *Вятичи* – один из восточнославянских племенных союзов VI–IX вв., занимавший территорию междуречья Оки и Волги. Название «вятичи» предание, попавшее в летопись, связывает с именем их легендарного предводителя Вятко.

⁹⁷ «...К Корачеву...» – современный город Корачев в 40 км к востоку от Брянска.

⁹⁸ *Внук Олегов* – дедом Игоря был князь Олег Святославич Черниговский, названный автором «Слова» «Гориславичем».

⁹⁹ «...месяца апреля в двадцать третий день...» – князь Игорь, названный в крещении Георгием, якобы приурочил начало похода к своим именинам – весеннему Юрьеву дню. Юрий – упрощенная форма от Гюргий, то есть Георгий. В домонгольской Руси князья имели два имени: первое – славянское, давалось при рождении, второе – греческое, христианское – при крещении.

¹⁰⁰ «...с ковуями черниговскими» – особые отношения черниговских князей со степным миром проявлялись и в широком использовании служилых тюркских воинов-ковуев. Некоторые исследователи считают черниговских ковуев потомками касогов, покоренных князем Мстиславом Тмутараканским. В 1024–1036 годах Мстислав был князем черниговским.

тыми трофеями, так и сам Святослав после проведенной им миссии по мобилизации войск в северо-восточных княжествах с прицелом на летнюю кампанию. На пасхальную седмицу не принято воевать, мало того, грешно в эти дни проливать человеческую кровь, а потому и «...звенить слава в Киеве...», то есть идут пасхальные празднества, с одной стороны, а также пиры по поводу принятия важных решений о походе в Половецкую степь и далее в Тмутаракань в предстоящую летнюю кампанию – с другой. Видимо, на третий день Пасхи, в Юрьев день, был кульминационный момент совещания князей, закончившийся пиром и здравицей в честь именинника и руководителя превентивного похода в Половецкую степь с особой миссией Северского князя Игоря Святославича. Не мог отправиться Игорь в поход на пасхальной неделе – это могло случиться не ранее чем 28-го апреля, но обстоятельства, связанные со сроками возвращения Буй Тура Всеволода в свои уделы, принудили его выступить лишь 1-го мая 1185 года. Будем считать, что одно неизвестное системы уравнений нами найдено.

Так что Святослав не только был прекрасно осведомлен о походе князя Игоря, но он, похоже, был его инициатором, вдохновителем и организатором, о чем немного позднее. Да и смешно даже думать, что Великий Киевский князь ничего не знал о походе Игоря, когда его родной брат Ярослав Всеволодович, князь Черниговский, выделил в предстоящий поход целый полк легкой кавалерии подчиненных ему ковуев («черных клобуков») под воительством опытного воеводы боярина Ольстина Олексича. А вот ваша догадка, уважаемый Любознательный читатель, что Святослава уложила в постель весть о поражении Игоревы войска – это в точку.

Печальная весть свалила уже немолодого князя в постель не только, а вернее, не столько потому, что разгромлено Игоревое войско и погибли многие тысячи «храбрых русичей», а потому что рухнули его некие честолюбивые стратегические планы, осуществление которых навеки вписало бы его имя в исторические скрижали как великого полководца и государственного деятеля. Нервное потрясение было такой силы, что с князем, скорее всего, приключился инфаркт или инсульт, подвигнувший его на край могилы. Вот откуда эти приготовления к похоронам, которые фактически могли иметь место, но мастерски обращены автором «Слова» в вещей («мутный») сон, значение которого и растолковывают якобы бояре.

Однако послушаем, что же сам Святослав отвечает боярам, а вернее, в чем уверяет самого себя, когда бояре доложили ему:

Уже княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слетеста
сь отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомъ Дону.
Уже соколома крыльца припешали
поганыхъ саблями,
а самую опуташа
въ путины железны».

А говорит он, на первый взгляд, весьма странные вещи, послушаем:

«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвелити,
а себе славы искати.
Нъ нечестно одолесте,

нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузе скована
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней седине?

Тут что ни стих – все загадка, особенно вот этот фрагмент строфы: «*Нъ нечестно одолесте, // нечестно бо кровь поганую пролиясте*». Когда это стало бесчестьем бить поганых половцев? Значит, Буй Тур Всеволод совершает бесчестье в своем фактическом единоборстве с половцами в единственном эпизоде смертельного сражения на реке Каяле, приведенным автором повести:

Ярь туре Всеовлоде!
Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрелами,
гремлеши о шелома мечи харалужными!
Камо, турь, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,
тамо лежатъ поганья головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шелома
оварьскыя.
От тебе, ярь туре Всеовлоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти
и живота,
и града Чрънигова отня залата
стола,
и своя милыя хоти, красныя Глебовны
свычая и обычая?

Мы не ведаем, как сражались другие князья и их воины, автор «Слова» по какой-то причине умалчивает об этом, но считать бесчестным поступком со стороны князя Всеволода то, что на поле неравного боя все-таки «...*лежат поганые головы половецкыя*» и «*поскепаны саблями калеными шелома оварьскыя*», ни умом, ни сердцем воспринять невозможно.

Любопытный читатель:

– Конечно, не мог так не только произнести, но и подумать даже Великий князь Святослав Всеволодович в отношении героя сражения на Каяле князя Всеволода. Возможно, его буквально душит возмущение по поводу первой схватки со степняками на реке Сюурлий. Ведь прежде чем сказать эти странные слова о бесчестье князей-братьев, Святослав изрек: «*Рано еста начала Половецкую землю // мечи цвелити, // а себе славы искати*».

– Это, скорее всего, так и было, хотя абсолютное большинство исследователей относят эти горькие слова Свято

слава не к самому факту сражения, где пролилось немало и половецкой крови, а к факту сепаратного похода братьев, совершенного якобы без ведома Киевского князя, делая упор на то, что братья рано начали «...*себе славы искати*», а также якобы похвалялись: «...*переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами под#лимъ!*». Вот как, например, трактует академик Б. А. Рыбаков ту часть «златого слова» Святослава, которая относится к его «сыновичам»: «...Великий князь Святослав произносит речь, одобренную автором <<Слова> и поэтому названную им «златым словом». *Первым пунктом великокняжеской речи стало обвинение*

Игоря и Всеволода в торопливости и в нечестности. Обращением к ним подчеркнута предполагаемая феодальная подчиненность Святославу: он называет их «сыновцами», то есть племянниками, тогда как на самом деле они его двоюродные братья, то есть родственники в одном колене, а не младшие. Главный упрек состоит в сепаратности действий: «мужаемся сами» – «повоюем вдвоем (не дожидаясь задуманного общего похода)».

«Похитить переднюю славу» означало то, чего так добивался Игорь в 118 году, оттесняя двоюродного брата своей жены Владимира Глебовича Переяславского от руководства авангардом, которому в первую очередь достаются трофеи и слава. И глагол здесь употреблен подходящий к действиям Игоря в 1185 году, когда он настолько разъярился на Владимира, что зверски разгромил его город Глебов. О воинской славе обычно говорилось «добыть», «получить», «приобрести» и т. п. Здесь же Автор применил жесткое «похитить».

И в отношении «передней славы» авангарда, и в отношении задней славы окончательного дележа после предполагаемой победы Автором дважды употреблено слово «сами». Фраза, начатая в двойственном числе («рекосте», «мужаемся»), точно указывает на двух братьев – Игоря и Всеволода, – предполагавших только вдвоем, «сами», осуществить поход-рейд и вернуться с победой. *Святослав и обвиняет этих братьев в торопливом и безрас- судном отрыве от общего дела.*

Лестные слова о храбрости, о закаленных стальных сердцах двух Святославичей должны были несколько смягчить, завуалировать суровость справедливого обвинения¹⁰¹.

Суть эпизода, произошедшего в ходе совместного похода нескольких князей в Половецкую степь в 1184 году, упомянутого академиком Б. А. Рыбаковым, как ничто иное высвечивает сложную ситуацию, складывавшуюся в начале 80-х в отношениях между Русью и Степью, с одной стороны, и между русскими князьями – с другой. Это были годы интенсивных походов на сопредельные территории как русских князей, так и половецких ханов, а также княжеских междоусобиц, которые зачастую несли неслыханные страдания русичам более тяжкие, чем половецкие набеги. Кроме того, возобновились союзы между отдельными князьями и половцами, особенно между черниговскими князьями и ханами Кончаковского юрта. Это был сложный процесс ассимиляции сопредельных этносов, скрепленный кровью простого народа.

В 1179 году Киевский князь Святослав Всеволодович собрал в Любече всех оставшихся в живых Ольговичей, и они целованием креста договорились больше не враждовать между собой, а сосредоточить усилия в борьбе с половцами, где набирал силу хан Кончак. На этом совещании князь Игорь был утвержден князем Новгород-Северским вместо умершего брата Олега, Чернигов Святослав уступил своему родному брату Ярославу, а сам остался в Киеве. Итак, 30-летний Игорь, получив княжество, становится одним из влиятельных русских князей. Небольшое по площади Северское княжество играло важную роль во взаимоотношениях со Степью, поскольку подчиненные ему города Путивль, Рыльск, Трубчевск и Курск непосредственно граничили с Половецкой Степью.

Князь Игорь «посадил» в уделы Северского княжества своих родственников: младшего брата Всеволода (Трубчевск, Курск), старшего сына Владимира (Путивль) и племянника Святослава Олеговича (Рыльск), чем значительно укрепил свое влияние на соседей. С другой стороны, он сразу же стал искать союза с ханом Кончаком, юрт которого непосредственного примыкал к землям его княжества. В течение двух лет после вокняжения в Новгород-Северском он неоднократно участвовал в походах, которые организовывал Великий князь Святослав против коалиции ВладимироСуздальских князей во главе с Всеволодом Большое Гнездо (сын Юрия Долгорукова, внук Владимира Мономаха). Владимиро-Суздальское княжество под руководством Всеволода Большое Гнездо набирало силу и претендовало на статус Вели-

¹⁰¹ Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич // Поиск автора «Слова о полку Игореве», М., «Молодая гвардия». 1991. С. 118.

кого с легкой руки предшественника Всеволода Андрея Боголюбского. Святослав видел, как стремительно разваливается Великое Киевское княжество, или по-простому Киевская Русь, теряя не только свой консолидирующий статус, но и саму государственность. Поэтому в борьбе с Всеволодом Большое Гнездо он активно привлекал половцев Кончаковского юрта. В этих походах князь Игорь подружился с ханом Кончаком, и вскоре судьбе было угодно испытать эту дружбу на прочность.

Летом 1181 года Половецкие рати под общим командованием князя Игоря и хана Кончака расположились лагерем вдоль Долобской старицы Днепра, изготовившись к штурму города. На помощь осажденному городу поспешил Дорогобужский князь Мстислав Владимирович в союзе со степным войском черных клобуков.

Черные клобуки, шедшие в авангарде, напали на половецкий обоз и занялись грабежом. Половцы и дружинники Игоря пришли на помощь обозу. Спасаясь, клобуки ворвались в стан Мстислава и подняли там панику, крича, что вся армия разбита. Тогда побежал за ними и Мстислав.

Но бегство князя не решило исхода битвы. Как рассказывает летописец, «лучшие из мужей остались: Лазарь воевал с полком рюриковым, и Борис Захарыч с полком своего княжича Владимира, и Здислав Жирославич с мстиславским полком»¹⁰².

В стране, где войны ведутся постоянно, должны выковываться кадры профессиональных военных. И чем дальше, тем меньше среди них князей и тем большую роль играют незнатные командиры. Зачастую князь, участвуя в походе, оставляет военные вопросы воеводам. Роль воевод была еще важнее, чем о том рассказывают летописи. Ведь летопись – это княжеское придворное писание. Так что, даже если князь во время боя пил брагу в своем шатре или ловил рыбу в ближайшей реке, победные лавры доставались ему. Князья были ревнивы к воинской славе, так что настоящие полководцы редко появляются на страницах летописей.

Главкомандующий бежал, но ничего страшного не произошло. Воеводы выстроили свои полки, и, когда дружина Игоря и половцы бросились на них, тяжелая конница и лучники держались стойко. Враги разбились об их стену. Разгром половцев был страшный, почти вся армия их была изрублена. Погибли два хана, в том числе брат Кончака, а два его сына попали в плен. Игорь с Кончаком прыгнули в лодки и спаслись.

Эта трагическая ситуация еще больше сблизила Игоря и Кончака, и бытует легенда, что, пробираясь в Чернигов, они мирно беседуют по-половецки, поскольку Игорь по матери был тоже половец.

Из Чернигова Игорь с Кончаком отправились в Новгород-Северский, который лежал па пути половецкого хана к его кочевьям, там совещались, что делать дальше, может быть, договаривались, что семьям пора породниться. У Игоря подрастали сыновья, у Кончака была на выданье дочка. Но вскоре после того как они расстались, логика событий начала отталиваться друг от друга.

Кончак был умелый политик и опытный воин. Мир Степи был так же суров и сложен, как и мир Руси. Половцам самим приходилось все время оборонять свои кочевья с востока, откуда наступали другие степные народы, им надо было охранять свои вежи от русских.

После разгрома под Киевом Кончак мстил за брата и сыновей, но конными набегами мало чего добьешься. И хан решил перестроить свою армию. Он понимал, что цепь русских пограничных городов становится крепким заслоном на пути половецких набегов. Сами пограничные города были небогаты – основная добыча таилась в глубине Русской земли, а пробиваться туда становилось все труднее. Половцы могли получать долю добычи, лишь согласившись на сомнительную роль наемников, как это было под Киевом.

¹⁰² Цит. по: *И. В. Мажейко*. 1185 год. М. «Наука». 1989. С. 341.

Кончак избрал иной путь. Он сам возьмет Киев.

Хан начал готовиться к войне. Он выписал иноземных мастеров, чтобы они изготовили стенобитные орудия и катапульты – тяжелую артиллерию средневековья, без которой большой город не взять.

Подготовка половцев к походу на Русь не была секретом для великого князя Киевского Святослава. Связи между половецкими станами и русскими княжескими дворами никогда не прерывались, передатчиками информации были торки, что занимали пограничье. Половцы блокировали днепровский торговый путь, отлично понимая, что это вызов, который русские князья вынуждены будут принять. Знали на Руси и о том, что Кончак борется с самовластием других половецких ханов, стараясь собрать в кулак все силы Степи. Главным соперником Кончака был хан Гзак – властитель Причерноморских кочевий.

Великий князь Святослав созвал русских князей в поход на половцев весной 1184 года. В нем участвовали многие князья, в том числе и Игорь с младшим братом Всеволодом. Именно во время этого похода и произошел инцидент, о котором упомянул академик Б. А. Рыбаков, обвиняя князя Игоря в захватнических устремлениях во время весеннего похода в 1185 году.

Как только русская армия углубилась в степь и начала приближаться к половецким кочевьям, произошла ссора между Игорем и переяславским князем Владимиром Глебовичем. Владимир потребовал, чтобы ему позволили идти в авангарде: авангарду достается основная добыча. Игорь, который замещал в походе великого князя, категорически отказался пустить Владимира вперед. И тогда тот в самый разгар кампании покинул армию.

Войско продолжало путь и вскоре натолкнулось на половецкие кибитки. Было побито много половцев и взят полон, но тут поход прервался.

Примчавшийся гонец сообщил, что обиженный Владимир Переяславский пошел не к себе домой, а на Северскую землю. Он сжигал села, уводил пленных, разрушал городки, в то время как остальные князья храбро воевали в степи.

Игорь повернул свою дружину обратно. Но пошел не домой, а на переяславский город Глебов – город был взят и уничтожен.

Будучи наделенным от природы недюжинным умом и не лишенным чувства совести, Игорь тяжело переживал за совершенное им страшное злодеяние. Неизвестно, из каких источников почерпнул летописец содержание покаянного монолога князя Игоря во время битвы на реке Каяле, но вот как это покаяние приведено в Ипатьевской летописи. Будучи схваченный половцами, Игорь видел своего брата Всеволода, ожесточенно сражающегося с наседавшими на него половцами, и молил он у бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. И воскликнул тогда якобы князь Игорь: *«Вспомнил я о грехах своих перед господом богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, предал разграблению город Глебов у Переяславля¹⁰³. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, – воскликнул Игорь, – и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от господина бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре,*

¹⁰³ «...город Глебов у Переяславля» – небольшой городок, названный в честь великого киевского князя Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, был razoren князем Игорем при возвращении его из неудавшегося похода на половцев в 1184 году в отместку за нападение Переяславского князя Владимира Глебовича на вотчины князя Игоря. Сестра Владимира Глебовича Ольга была замужем за братом Игоря Всеволодом («Красныя Глебовна»).

советники мои? где мужи-воители? где строи полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного предал меня бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я – один виноватый – не претерпел страданий за все это? Но, владыка господи боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, господи, такова и милость нам, рабам твоим»¹⁰⁴.

К началу 1185 года Великому князю Станиславу стало очевидным, что от походов в Половецкую Степь, подобных тому, какой был совершен весной 1184 года, страдает больше русская земля, чем половецкая. Какие бы пламенные речи о необходимости борьбы с половецкой опасностью ни говорили летописцы, как горячо бы ни выступал он сам, призывая князей к единству, доверия между князьями не было и ненавидели они друг друга порой больше, чем половцев. Он понимал, что решить проблему защиты русской земли от половцев и от княжеских междоусобиц можно одним путем – противопоставить феодальной раздробленности сильную централизованную власть. Пример тому подавали князья Владимирско-Суздальского княжества и прежде всего братья Андрей Боголюбский и его преемник Всеволод Большое Гнездо. Авторитет этого княжества возрастал год от года, казалось, что авторитет некогда сильного государства Киевская Русь по каким-то неведомым каналам перетекал в Владимирско-Суздальское княжество.

И правители этого молодого государственного образования уже не мечтали о Киевском «золотом столе», а устремляли свои взоры на юго-восток и Нижнее Поволжье, отвоевав для начала земли Волжских Булгар. Всеволод Большое Гнездо уже нависал над землями половецких юртов и прежде всего над кочевьями Великого хана Кончака, которому приходилось воевать на два фронта.

В том, что война с Кончаком приносит больше вреда, чем пользы, Святослав воочию убедился во время летнего похода в Половецкую Степь в том же 1184 году. Вместе со своими сыновьями и другими князьями, подвассальными Киеву, он собрал многотысячную армию, но Северские князья по разным причинам уклонились от похода. Осуждая Игоря за непатриотический шаг, исследователи забывают о такой причине, как смертельная вражда между князем Игорем и Переяславским князем Владимиром Глебовичем, который, не будучи осужденным за свой весенний проступок, принял участие в летнем походе. Более того, он на этот раз добился права идти в авангарде.

Вскоре авангард столкнулся с передовыми отрядами хана Кобяка. Половцы увидели, что русский отряд невелик, и кинулись на него. Владимир приказал своей дружине стоять твердо, а сам послал гонца к Святославу, чтобы тот поторопился: его отделял от авангарда целый день пути.

Отразив половцев, Владимир не стал их преследовать, понимая, что впереди находятся главные силы хана Кончака. Кобяк же, соединившись с Кончаком, уверил того, что русских немного: он не знал о движении основной армии. Кончак поспешил вперед, чтобы разбить Владимира. На его несчастье, подоспели главные силы русской армии и в жестоком бою разгромили половецкое войско. По сведениям летописцев, в плен попало семь тысяч степняков, в том числе хан Кобяк с двумя сыновьями и другие ханы.

Цель похода – освобождение днепровского торгового пути – была достигнута.

Этому эпизоду автор «Слова» посвятил две строфы своей песни, противопоставляя славную победу Святослава в летнем походе в Половецкую Степь 1184 года горькому поражению братьев Святославичей весной 1185 года, делая упор на то, что они якобы уклони-

¹⁰⁴ Покаянная речь Игоря, по мнению исследователей, является чисто литературным приемом.

лись от совместного похода («*лжу убудиста которою*», то есть прикрывая ложью свое противостояние великому князю):

Тии бо два храбрая Святъславлича.
Игорь и Всеволодь —
уже лжу убудиста которою,
ту бяше успиль отецъ ихъ —
Святъславъ грозный великий
киевский – грозою:
бьашеть притрепаль своими сильными
плькы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хльми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ железныхъ великихъ пльковъ
половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и падеся Кобякъ въ граде Киеве,
въ гриднице Святъславли.

Однако, как покажут дальнейшие события, братья не участвовали в победоносном походе совсем по другой причине. Святослав оставил Северских князей в своем стратегическом резерве. Ослабля могучего Кончака, он исподволь готовил плацдарм для *союза с ним в целях решения совершенно иной задачи*, где союз с Кончаком мог сыграть решающую роль. А началом решения этой задачи должен был стать весенний поход в Половецкую степь «свежих» сил, то есть войск Северских князей, не участвующих в последних походах на Кончака.

Дальнейшие события развивались именно по сценарию, задуманному Святославом Всеволодовичем. Кончак сильно пострадал, но разгромлен не был. Пленение ханов освободило его от конкурентов в борьбе за единовластие во всей Степи и способствовало ее объединению. Вернувшись в свои кочевья, Кончак стал снова готовить большой поход на Русь.

В феврале войско Кончака снова двинулось на Русь. Конечной целью похода был Киев, где томились в тюрьме пленные ханы. В обозе везли огнемётные орудия, которые ему сделал один басурманин: летописец сообщает и о «луках, которые могли натянуть лишь пятьдесят человек».

Далее последовали дипломатические маневры. Кончак отлично знал, что черниговские и северские князья не ладят с Киевом. Поэтому он отправил к ним послов, предлагая мир и обещая их земель не трогать. Черниговский князь согласился на мир и послал к Кончаку для переговоров своего боярина Ольстина. Узнав об этом от своих лазутчиков, Святослав Киевский послал в Чернигов письмо, укоряя князя за измену. Тот ответил, что не может нарушить слово. Затем Святослав обратился к князю Игорю, повелев ему выступить против половцев.

Получив приказ, Игорь созвал боярскую думу и, как утверждает летопись, патетически воскликнул:

– Не дай бог нам отказаться от похода на поганых! Поганые всем нам общий враг!

Затем Игорь принялся обсуждать с боярами, как лучше соединиться с войском Святослава, идущим навстречу половцам. Тут воеводы начали якобы отговаривать Игоря, утвер-

ждая, что посланец из Киева прибыл слишком поздно. Но Игорь все же настоял на походе, вышел в поле, но попал в туман на реке Суле. Туман был такой густой, что пришлось вернуться. И, сокрушенный неудачей, Игорь остался дома.

В своем исследовании о «Слове» академик Б. А. Рыбаков доказывает, что Игорь отлично успевал к месту встречи и что все его сетования были только отговоркой. И какой может быть туман в феврале, чтобы войско в нем заблудилось, идя по знакомым дорогам?

На самом деле «туману» по своему неведению, а может быть, напротив, по указанию Святослава, «напустил» придворный летописец, поскольку нужно было как-то более менее правдоподобно обставить тот факт, что войска Черниговского князя и подвассальных ему Северских князей снова оставлены в стратегическом резерве Великого князя Святослава.

Святославу повезло. Ему встретились купцы, которые видели, где остановилось на отдых войско Кончака. Нападение русской армии было внезапным, и Кончак бежал, оставив на поле боя катапульты и огневые машины. Берендейская конница гнала половцев до Хорола.

Большой поход Кончака сорвался, но и очередная победа Святослава опять ничего не решила. Силы Кончака сохранились. Угроза для Руси не ослабла.

Далее, согласно Ипатьевской летописи, Святослав якобы решил нанести половцам окончательный удар, а посему всю весну 1185 года он провел в разъездах и переговорах с князьями. Конечно, были и разъезды по северо-восточным землям, были и переговоры с князьями, в том числе и великим князем Владимирско-Суздальским Всеволодом Большое Гнездо, но вот о содержании этих переговоров можно только гадать.

Теперь уже пора поведать о том, каков был замысел проведения весенне-летней кампании объединенного воинства практически всех русских княжеств под руководством Великого Киевского князя Святослава Всеволодовича. Воюя практически непрерывно с половецкими ханами, когда успешно, когда не очень, и усмиряя амбиции своих князей, междоусобные распри которых были не менее разорительны для Русской земли, Святослав наблюдал за усилением Византии на Причерноморских и Приазовских берегах по эту сторону морей, то есть в непосредственной близости от русских, равно как и половецких земель. Бывшее русское княжество со стольным городом Тмутараканью становилось стратегическим форпостом Византии, теснимой с Юго-Востока турками-сельджуками, огнем и мечом ковавшими будущую Османскую империю на исконных землях Византии, предрекая ее близкий конец.

Усмотрев реальную угрозу для Руси, исходящую с Юга, Святослав решил, что в этих условиях продолжать изнурительные войны со Степью смертельно опасно как для Руси, так и для Половецкой Степи. Только объединенными усилиями можно поставить заслон не только угрозе, исходящей из Византии, но и создать форпост обороны от возможных угроз со стороны Востока.

Святослав хорошо знал историю захватнических войн со стороны кочевников, которые волнами накатывались на Русь, испытавшую на себе «хиновские стрелки» гуннов, сарматов, хазаров, печенегов и вот уже полтора столетия – половцев. А с Востока опять дуют ветры новых бед, ибо уже видны зарницы и слышны раскаты грома побед молодого монгольского хана Темучина, оттачивающего свои копья и мечи на сопредельных государствах Маньчжурии и Китая. Где гарантия того, что, покорив народы государственных образований на севере Китая, Темучин не обратит свой взор на Запад? И тогда новая волна кочевников захлестнет разрозненные княжества Руси и ханства Половецкой Степи, ныне так старательно уничтожающие друг друга.

Святослав не только понимал, но и пользовался разведывательной информацией о том, что примерно также размышлял и хан Кончак, не обделенный талантами полководца и государственного деятеля. Он даже лучше Святослава оценивал угрозы, которые могли исходить

с Востока, поскольку по негласным информационным каналам Степи до него раньше доходили вести с разгорающейся военными пожарами Монгольской степи.

Стратегический план военной кампании на лето 1185 года состоял в следующем:

Объединенное войско Северских князей под видом свадебного кортежа движется в стан Кончака, где устраивается многодневная свадьба князя Владимира Игоревича и ханской дочери Свободы Кончаковны, которая предварительно проходит обряд крещения. С этой целью в обозе Игорева войска едет православный священник с причтом¹⁰⁵, состав которого должен обеспечить как обряд крещения будущей княгини Настасьи Кончаковны, так и венчание молодых. Кроме того, в обозе были сосредоточены богатые свадебные подарки многочисленным «сватам». Поскольку для демонстрации «мирного» характера свадебного кортежа его участники были вооружены легким оружием, а тяжелые доспехи, червлёные щиты, мечи также были сосредоточены на подводах, летописец отметил, что войско двигалось медленно, «...на раскормленных конях, собирая войско свое». Собрать «войско свое» Игорю по пути вряд ли приходилось, поскольку оно было сформировано на местах, при этом было отлично подготовлено, о чем можно было судить хотя бы по тому, как охарактеризовал своих дружинников брат Игоря Всеволод, давая свое согласие на поход:

А мои ти куряне св#доми кьмети:
подь трубами повити,
подь шеломи възл#л#яни,
конець копия вьскръмлени,
пути имъ в#доми,
яругы им знаеми, луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изьострени;
сами скачють, акы с#рыи вльци въ пол#,
ищучи себе чти, а князю слав#.

Эта строфа Игоревой песни в одном из лучших переложений на современный язык, сделанном академиком Д. С. Лихачевым, звучит так:

А мои-то куряне опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены:
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы.

Обоз был огромен, кроме богатых даров и арсенала тяжелого вооружения, который перевозился скрытым образом, чтобы придать войску мирный характер свадебного кортежа, нужно было вести запасы продовольствия как для пропитания войска во время похода, так и

¹⁰⁵ *Причт* – штат священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики, дьячки, чтецы и т. д.) при православной церкви. Состав причта зависит от числа прихожан и утверждается архиереем.

для свадебного стола, который предполагалось накрыть на несколько тысяч персон. Именно по причине громоздкости обоза скорость движения войска определялась скоростью движения обоза, а посему оно двигалось медленно, что и отметил летописец.

Кроме того, именно из-за небольшой скорости движения войска между исследователями шли неутраченные споры о том, были ли в его составе пешие подразделения. Высказывания о возможности участия пехоты в походе князя Игоря можно обнаружить в работах К. В. Кудряшова, А. П. Дьяконова, Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, Ф. М. Головченко, А. В. Поздеева и других исследователей. В то же время суждения об исключительно конном составе войска имеют место в работах В. М. Глухова, Б. А. Рыбакова, М. Ф. Гетманца. Стронники наличия пехоты в войске Игоря апеллируют к тому, что названные в Ипатьевской летописи «черные люди» – это и есть пешие подразделения войска. Так, К. В. Кудряшов, посвятивший этому вопросу несколько статей, а затем и книг, ссылается на описания боевых порядков русских войск в средние века, да и в более поздние времена, которые строились по шаблону: пехота в центре, а конница по флангам и в авангарде¹⁰⁶. Это так, но такое построение характерно для боевого порядка войска, изготовившегося к боевым действиям с реальным противником. Войско князя Игоря камуфлировалось под свадебный кортеж, то есть шло в Половецкую степь с мирными намерениями, и традиционное построение его боевых порядков в таком случае было бы не вполне уместным. Да и численность войска, похоже, сильно преувеличена (по М. Ф. Гетманцу это 6—8 тыс. человек). М. Ф. Гетманец исходил из того, что каждый князь, участвовавший в походе, имел свой полк, численность которого бралась, похоже, по аналогии с численностью современного полка (1000—1500 человек). Тогда общая численность определяется из расчета 5 полков × 1500, да плюс численность обоза, где-то 500 ед. = итого по максимуму 8000 человек. Однако «полки» четырех князей и «кавалерийский полк» черниговских ковуев – это по численности далеко не нынешние полки, а всего лишь княжеские дружины, которые в походах усиливались конными и пешими ополченцами, которых, кстати, также готовили заранее, а не «собирали» уже в пути следования, как писал летописец. Так что если и соглашаться с расчетами Гетманца, то, по крайней мере, на меньшее из двух обозначенных им чисел – 6 тысяч. Косвенное обоснование выбора этой цифры впереди, а сейчас вернемся к обозу, сопровождаемому конным войском князя Игоря.

Кроме подарков для Кончака и его приближенных, находящихся в огромном обозе Игореве войска, хану Кончаку был приготовлен еще один, как принято нынче говорить, «виртуальный подарок» от Великого киевского князя Святослава Всеволодовича, о чем князь Игорь должен был сообщить Кончаку устно. В Киеве вот уже около 2 лет томились в плену свыше семи тысяч половецких воинов и несколько ханов, в числе которых было двое сыновей хана Кончака. Вполне естественно предположить, что в случае достижения соглашения о совместном походе русского и половецкого войска для завоевания бывшего Тмутараканского княжества, пленные половцы становятся составной частью войска, которое поведет на Юг Черниговский князь Ярослав Всеволодович наряду с его традиционными союзниками, о которых упоминает в своем «золотом слове» князь Святослав, получивший известие о крахе всех своих планов завоевания Тмутаракани и прилегающих к ней Причерноморских и Приазовских земель, принадлежащих ныне Византии:

А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовая

¹⁰⁶ Кудряшов Константин Васильевич (1885 – 20.X.1962) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского государственного библиотечного института (с 1948 по 1955 годы)

брата моего Ярослава,
съ черниговскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ тончаки,
и съ ревуты,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовь,
съ засапожники
кликомъ плъкы побеждают,
звонячи въ прадедную славу».

«Не вижу уже власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.
Те ведь без щитов,
с засапожными ножами
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу¹⁰⁷

И вот вся эта неуклюжая воинская громада, растянувшаяся на несколько километров, неожиданно натывается на половецкие вежи, почти никем не охраняемые и которых на пути следования Игоревы войска быть не должно. Дело в том, что Игорь двигался по своеобразному «коридору», заранее проложенному и согласованному с половецкой стороной, который проходил по территории Кончаковского юрта. Поход, естественно, был не стихийным, а маршрут по половецкой земле детально проработанный, с тем чтобы не попасть на территорию Гзаковского юрта, поскольку Кончак и старый Гзак, власть которого с возрастом влиятельного хана постепенно слабела, были не сказать чтобы врагами, но серьезными соперниками.

В Степи не может быть тайн, разведка и контрразведка у обоих ханов работала четко. Гзак уже достаточно хорошо был осведомлен о сепаратных переговорах своего «молодого» соперника с Киевским князем Святославом, в застенках которого томились пленные ханы, ожидавшие такого же исхода, какой случился с ханом Кобяком. Ничего не имея против того, что Кончак всеми возможными способами стремился вызволить из неволи своих сыновей, Гзак опасался совместного похода русских войск в союзе с Кончаком в Тмутаракань, то есть покорять земли Приазовья и Причерноморья, сопредельные со степными territori-

¹⁰⁷ Перевод на современный язык академика Д. С. Лихачева.

ями Гзаковского юрта. Даже если он просто пропустит через контролируемые им территории совместные войска русских и хана Кончака, он потеряет возможность грабить богатые византийские поселения вдоль морей на Таманском полуострове и в Крыму. Если все эти территории войдут в состав Киевской Руси, она, как слабеющее год от года государственное образование, вновь возродится, как птица Феникс, и половецкой вольнице наступит конец. Тем более, ему была ненавистна мысль стать вассалом Киевского князя и навсегда потерять свободу кочевого племени, превратившись в оседлых «ковуев» или «Черных клобуков». О последствиях, грозящих всей Половецкой Степи в случае срыва стратегических планов Святослава и Кончака, думать не хотелось. Пожив достаточно долго в условиях степной вольницы, Гзак не желал участвовать ни в каких реформах по принципу «на наш век хватит». Конечно, Гзаку не суждено было узнать, что станет с его Степью через каких-то 38 лет, когда на нее накатят татаро-монгольские войска Субедея и Джебе после покорения народов Закавказья в 1223 году.

И «союз» русских князей и половецких ханов «состоится», но под настилом из досок, покрытых коврами, превращенный в громадный дастархан, где пиновала монгольская знать после разгрома по очереди сначала половецких, а затем русских войск на реке Калке, так созвучной по имени с рекой Каялой.

И Гзак задумал помешать союзу Святослава и Кончака, а для этого прежде всего нужно было сорвать мирную миссию князя Игоря. Но просто напасть на войско русичей, то есть на союзников Кончака, он по законам степной чести не мог, а поэтому пошел на провокацию. Как уже отмечалось выше, где-то на пограничье юртов Кончака и Гзака войско Игоря неожиданно отклонилось от намеченного пути и, свернув на юго-запад, оказалось не в бассейне Дона-Донца, куда он стремился, а в низовьях Днепра. Академик Б. А. Рыбаков, автор этой версии, указал даже наиболее вероятный участок, на котором располагались первые взятые князьями половецкие вежи, а затем и поле последующего решающего сражения – междуречье рек Самары и Быка.

Гипотеза академика Рыбакова весьма спорная и по сей день не принята в качестве исторического факта, тем более что в этом районе по розыскам археолога С. А. Плетневой не обнаружено следов длительного пребывания там половцев (отсутствие каменных изваяний). Действительно, зачем было Игорю отклоняться от избранного маршрута и искать себе приключений, нападая на беззащитные половецкие вежи? С. А. Плетнева объясняет этот маневр Игоря тем, что он позарился на легкую добычу, не поняв, что это была коварно подстроенная ловушка. Далее, предоставляя слово самой С. А. Плетневой, предварим его следующими замечаниями. Хотя она и указывает на то, что Кончак со своим войском в этот момент находился далеко от места стычки, но полагает, что подстроенная ловушка – это дело рук Гзака и Кончака, это во-первых. А во-вторых, она, по уже установившейся традиции, считает, что князь Игорь повел свое войско в Половецкую степь, чтобы «ополониться». «При рассмотрении этой гипотезы (академика Б. А. Рыбакова – А. К.), – пишет С. А. Плетнева, – прежде всего, возникает вопрос: зачем Игорь отклонился от своего пути, от выбранного им направления и изменил основной задаче – «преломить копьё о конец поля половецкого»? *Вероятно, несмотря на возвышенные речи о высокоидейной цели похода – борьбе за славу русского оружия, – князь шёл в степь «ополониться». Не случайно автор «Слова» говорит о «языке», явно подосланном к ним половцами. Лазутчик врага нарочно быстро попался русским разведчикам и выдал местопребывание близких и слабо защищенных веж, связанных прекрасной ровной дорогой с Сальницей¹⁰⁸. Они располагались в противоположной от владений Кончака стороне.* Подтверждением того, что это были «ложные» вежи, созданные для отвлечения русских войск от основного удара, служит, во-первых, их необычайное

¹⁰⁸ «Не случайно автор «Слова» говорит...» – С. А. Плетнева очевидно имеет ввиду летописца.

богатство, подчеркнутое и летописью, и «Словом», во-вторых, отсутствие около них скота: в этих вежах было вино, «девки красные» и разные дорогие «паволоки» (ткани, ковры и пр.). Наконец, в-третьих, практически у этих веж бой не состоялся. Русичи подошли к ним после тяжелого перехода (хотя и по ровной дороге, но им пришлось за полдня и ночь пройти 80 км), и, несмотря на это, они легко *«потопташа полки половецкие»*. В летописи сказано, что половецкие стрелки выпустили только по стреле и затем поскакали за вежи и ушли в степь, оставив их на разграбление.

Все это выглядит и сейчас необычайно подозрительно! Диво берет, почему ни одному князю не пришло в голову побережся. Впрочем, надо отдать должное Игорю: он предложил все-таки после захвата веж оттянуться назад, к Донцу, на более безопасное место, но остальные князья захотели праздновать победу там, где ее одержали, под предлогом, что необходимо, мол, дать отдых войскам.

Результат осмотра местности, как нам кажется, подтвердил выдвинутую академиком Б. А. Рыбаковым гипотезу. Участок степи, выбранный для «ложных» веж, был крайне неблагоприятен для размещения русского войска. С севера – болотистый разлив Самары (видимо, его летописец называет «езером»). Впадающая в Самару речушка Гнилуша, у которой стояли вежи, – грязная, топкая, с солоноватой водой. Кругом пустота и солончаки. Характерно, что вокруг других становищ степь буквально заполнена каменными половецкими изваяниями – остатками половецких поминальных храмов предков (святилищ).

В междуречье же Самары и Быка их не было: *это был гиблый, необитаемый участок, страшный мешок, в который коварно заманили удалых, но не очень дальновидных русских князей.*

Русское войско захватило подставные вежи в пятницу. Ночь прошла в гульбе, а наутро в субботу русские воины увидели себя окруженными со всех сторон половецкими полками, выступавшими на горизонте *«яко борове», то есть как густой лес*. По развевающимся бунчукам (знаменам) Игорь узнал, что фактически на него вышла «вся половецкая рать». *Помимо полков Кончака, в бою участвовал другой половецкий хан, Гзак*. Подошли полки орд Токсобичей, Колобичей, Етебичей, Терьтробичей, Тарголове, Улашевичей, Бурчевичей (все они перечисляются в русской летописи). Прижатые к топкому озеру-болоту, лишённые питьевой воды, русские воины были обречены на гибель, несмотря на безусловное личное мужество их военачальников и на их благородное решение не бежать, *вырвавшись из вражеского кольца, чтобы не оставлять на расправу пеших воинов.*

Таковы были причины и обстоятельства гибели полков Игоря Святославича. *Кончак перехитрил русских: заманил в ловушку и, пользуясь некоторой потерей бдительности, естественной после легкой победы, и ночной темнотой, захлопнул ее»¹⁰⁹*. (Курсив мой.– А.К.)

Итак, согласно выводам С. А. Плетневой, легкодоступные для грабежа половецкие вежи, с одной стороны, *«...располагались в противоположной стороне от владений Кончака»*, а с другой стороны, *«...помимо войск Кончака, в бою участвовал другой сильный половецкий хан Гзак»*. Наконец, *«Кончак перехитрил русских: заманил в ловушку и, пользуясь некоторой потерей бдительности...»*, и далее по тексту. Тут нужно выбирать что-то одно из двух: или Кончак находился далеко от места первой стычки и кровавой битвы 19 мая 1185 года, либо он «заманивает в ловушку русских» и активно участвует в разгроме войска своего свата. Настаивает С. А. Плетнева и на том, что в составе Игорева войска были пешие подразделения; поскольку военачальники приняли *«... благородное решение не бежать, вырвавшись из вражеского кольца, чтобы не оставлять на расправу пеших воинов»*. А что иное она могла предположить, если все исследователи, как заговоренные, находились и продолжают

¹⁰⁹ С. А. Плетнева. Заметки археолога о маршруте князя Игоря // Наука и жизнь. 1986. № 10. С. 44–46.

находиться под влиянием сочинения летописца, который записал: *«Когда же занялся рас-свет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать: так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую – Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем – спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед богом грех¹¹⁰, предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И, сказав так, сошли с коней и двинулись с боем».*

Спешиться – значит стать легкой добычей для конных половцев, не мог пеший воин *«грамлеши о шеломах мячи харалужными»*, да и в приведенной выше строфе о героическом единоборстве Яр Тура Всеволода ясно угадывается, что герой воюет на коне: *«Камо, турь поскочаше, // своим златымъ шеломахъ посвечивая, // тамо лежатъ поганья головы половецкыя»*. Наконец, у спешившихся русских воинов не было возможности отвести коней куда-то в безопасное место, а будучи рядом с воином, он будет ему лишь помехой.

По поводу участия или неучастия хана Кончака в организации провокации и самом побоище обратимся к трудам академика Б. А. Рыбакова, на авторитет которого опирается и сама С. А. Плетнева.

Тщательно проанализировав ситуацию, сложившуюся по состоянию на утро в пятницу 17 мая в Половецкой Степи, академик пришел к заключению, что «Кончак, прибывший к остальным половцам лишь 11 мая <Рыбаков, естественно, пользуется датировкой событий из расчета, что поход князя Игоря начался 23 апреля..– А.К.>, застал войска Игоря уже в западне, окруженными половецкими полками со всех сторон: *«изумешася князи рускии – кому их которому поехати?»*. В процессе полуторасуточной битвы в окружении Кончак ни разу не упоминается в подробном рассказе летописи. Он выступает на сцену, лишь когда сражение затихло и ханы делили добычу: *«Тогда же на полчищи Концак поручися по свата Игоря»*, и отправил его, как явствует из последующего, в свой юрт в низовьях Тора.

Из всего сказанного мы должны сделать вывод, что Кончак, судя по нашим источникам, не предпринял никаких мер для противодействия Игорю на его марше, коснувшемся края владений Кончака. Окружение Игоря у Каялы не было инициативой Кончака; оно началось еще до того, как сам хан узнал о появлении Игоря.

К окруженному стану Игоря Кончак прибыл одним из последних, находясь еще в пути в ночь с 10 на 11 мая (то есть с 17 по 18 мая согласно нашей датировке. – А. К.)¹¹¹.

Кончак, по данным своей разведки, которая тщательно отслеживала движение Игорева войска, узнал о том, что Игорь отклонился от маршрута и попал в западню на следующий день после успешной стычки русичей с подставными вежами хана Гзака, то есть утром 17 апреля, и сразу же поспешил на выручку «свата». После суточного марша он прибыл к окруженным войскам русичей, что и подтверждает летописец, который сообщает, что утром в субботу, 18 мая <далее датировка наша. – А.К.>, *«начаша выступати полци половецкие ак борове <как сосновый бор> бысть бо их бесчисленное множество»*. Перечисляя распознанные половецкие орды, Игорь на первом месте среди ханов называет Кончака. Что мог сделать Кончак для спасения Игоря и его дружины в этих условиях, когда все войско было обречено на гибель? Практически ничего, даже если его собственное войско не примет участия в избиении обреченных. Однако по логике кратковременных захватнических войн степняков всех времен и кочевых народов главным победоносным финалом таких схваток является не столько количество уничтоженных воинов неприятеля, сколько количество «ополоненных»,

¹¹⁰ «...а это будет нам перед богом грех...» – это, приписываемое Игорю высказывание является вольной или невольной фальсификацией летописца. Как мы уже показали выше, войско Игоря было конным и «простых людей, то есть пеших воинов-ополченцев, в нем не было, кроме обслуживающего персонала громоздкого обоза.

¹¹¹ Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., «Молодая гвардия». 1991. С. 82.

то есть взятых в плен. Большой «полон» – это верный доход, поскольку за пленных можно взять хороший выкуп, на худой конец, продать их на невольничьих рынках Крыма, Причерноморья или Приазовья. Похоже, что на этот случай у соперников существовали какие-то знаки, что то или иное подразделение готово сдаться на милость победителя. Получив такой знак от Кончака, Игорь начал «...плъкы заворочаетъ...», какие полки и куда их заворачивал Игорь – в самой повести об этом ни слова:

*Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша
стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе
быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирь докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.*

Не является ли загадочная фраза: «*Что ми шумить, // что ми звенить – // далече рано предъ зорями?*» тем самым знаком со стороны хана Кончака, уловив который и начал «*Игорь плъкы заворочаетъ*», тем самым знаком, что Кончак готов взять под свою ответственность не только жизнь «свата», но и по возможности его воинов. Кратко об операции якобы возвращения на поле боя вышедших из повиновения ковуев сообщает Ипатьевская летопись:

«Тогда по божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они, сражаясь. *На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство.* Игорь же в это время был на коне; так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный. *Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у бога смерти, чтобы не увидать гибели брата своего.* Всеволод же так яростно бился, что оружия ему не хватало, сражались, обходя вокруг озеро».

Если все происходило так, как сообщает летописец, то каким образом в плену у половцев, согласно «Истории» Татищева, могло оказаться пять тысяч воинов? То есть, согласно расчетам Гетманца с нашим уточнением, в бою погиб лишь каждый шестой воин, участвующий в походе, и, на наш взгляд, пали яростно сражавшиеся дружины князя Всеволода и полностью poleg полк молодого князя Святослава Олеговича Рыльского, находящийся в

авангарде, как при нападении на беззащитные половецкие вежи в пятницу 17-го мая, так и в битве на реке Каяле (18 и первая половина 19-го мая)¹¹².

По поводу гибели дружины Всеволода с его курским «св#доми къмети...», которые «...скачють, акы с#рьи вльци въ пол#, // ищучи себе чти, а князю слав#», все вроде бы понятно, поскольку их яростное сопротивление превосходящему по силе и численности противнику – единственный эпизод из всей битвы, который показан в «Слове». Да и фраза, вырвавшаяся из уст захваченного в плен Игоря, «...жаль бо ему мила брата Всеволода», говорит за то, что дружина Яр Тура Всеволода была обречена. Похоже, половцы хорошо знали этих «серых волков», разбойников по прежним схваткам, а тут представилась возможность сполна рассчитаться с ними за прежние обиды.

Почему пало войско Рыльского князя Святослава Олеговича? Уж не расплата ли это была за слишком большую его активность при захвате оставшихся без охраны половецких веж и преследование немногочисленного отряда половцев, которые как бы нарочно «втягивали» Игоревое войско в гиблые заболоченные места, демонстративно маячив вдалеке от брошенных ими веж с «красными девками половецкими» и «всякими узорочьи половецкими»? Хотя летописец и старается убедить нас, что разгромом «...поганья плъкы половецкыя...» руководил лично князь Игорь, но в конце своего описания этой позорной баталии проговаривается, что основным закоперщиком данного сражения был все-таки Святослав Олегович, который категорически отказался подчиниться решению князя Игоря немедленно отступить к русской границе, сославшись на то, что: «Далеко гнался я за половецами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Интересно отметить, что князя Святослава поддержал не кто иной, как князь Всеволод, поскольку, похоже, что и его курские «св#доми къмети» также участвовали в погоне за «красными девками половецкими», но, главное, не могли они упустить львиную долю добычи, что и являлось их «степной профессией».

Любопытный читатель:

– однако основные воинские трофеи, как пишет автор «Слова»: «Чрълень стягъ, // б#ла хорюговъ, // чрълена чолка, // сребрено стружие» – достались все-таки «...храброму Святъ славличю!»¹¹³? И второй вопрос: как это мог Кончак опоздать на целые сутки к началу битвы, если автор «Слова» утверждает, что он не отставал от Гзака ни на шаг: «Гзак бежит с#рымъ влькомъ, // Кончакъ ему сл#дъ править къ Дону великому»? Похоже, что он скачет даже впереди хана Гзака.

– Начнем со второго вопроса. Как уже ранее отмечалось, поэма просто переполнена всевозможными аллегориями, аллюзиями и эвфемизмами. В данном случае предположение «...Кончакъ ему сл#дъ править къ Дону великому», видимо, означает, что разведка Гзака уже

¹¹² См., например, фрагмент из «Российской истории» Ф. А. Эмина: «... полк Святослава... в несколько минут был весь почти изрублен». Цит. по Л. И. Сазонова «Писатели-историки XVII века о походе Игоря» в Сб. «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., Наука, 1978, С. 105.

¹¹³ «Чрълень стягъ, б#ла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие ...храброму Святъ славличю!» – составные части половецкой военной атрибутики, которые в случае поражения войска достаются, как правило, предводителю войск противника, в данном контексте князю Игорю, руководителю похода русского войска в Половецкую Степь в мае 1185 года: *Чрълень стягъ* – слово *стяг* восходит к древнескандинавскому (Stong) или древнешведскому (stang), означающее «древко, шест». В данном контексте – военное знамя, крашеное *черленью*, то есть позолоченное; *б#ла хорюговъ* – слово монгольского происхождения, пришедшее на Русь через тюркское посредство, означающее часть войскового знамени – *полотнище*, крепившееся к древку – *стягу*, у которого имелось на вершине – *стружие*. Однако слова *стружие* и *стяг* имеют и иное прочтение; *чръляна чолка* – слово *чолка* (от «чело») означает бунчук, или кисть надревке знамени из конского хвоста, служившую эмблемой духов-покровителей, сопровождавших воинов в походе. Волос бунчука красился *черленью. стружие* – древко; древко копья – элемент воинского или княжеского атрибута. Слово «*стружие*» этимологически связано с глаголом «*строгать*» и известно только древнерусскому языку.

«вычислила» маршрут войска князя Игоря в стан Кончака и определила место для организации западни, в которую и попало войско русичей.

По поводу трофеев в виде половецкой военной атрибутики, доставшихся князю Игорю, на наш взгляд, следует сказать следующее. Во-первых, как уже нами отмечалось ранее, любой князь, руководивший походом или сражением, независимо от его личной доблести и полководческих талантов в случае успеха получает все атрибуты славы, даже если он, как это имело место в данном случае, не только не руководил сражением и не участвовал в погоне за «призраками», а ехал вместе со своим братом Всеволодом где-то далеко в арьергарде, как пишет летописец: «... а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие – чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим – уж как бог даст».

Правда не ясно, куда призывал поехать Игорь свое войско: либо вперед, чтобы быстрее достичь цели своего похода, то есть в стан хана Кончака, либо возвратиться на русскую землю, признав этим самым, что цель похода не достигнута, а значит, срываются все планы, намеченные Великим князем Святославом по завоеванию Тмутаракани. Дальнейшие события показали, что Игорь имел в виду второй вариант.

Однако в получении Игорем трофеев, символизирующих воинскую доблесть, скрыт иной, на наш взгляд, иронический или даже саркастический подтекст. Автор «Слова» этим самым подчеркивает, что «победа» над подставленными половецкими вежами – это «Пиррова победа», за которой последует страшная расплата на реке Каяле. Именно по поводу этой «победы» последовал горький упрек князя Святослава в его «Златом слове» в адрес «сыновичей»: *«Нъ нечестно одолжете, // нечестно бо кровь поганую пролияете...»*, тем самым упрекнув князя Игоря в потере им управления своими войсками.

Таким образом, можно сказать, что еще одним неизвестным, вытекающим из решения уже двух уравнений, является факт трагического краха далеко идущих планов Великого князя Святослава Всеволодовича по завоеванию Тмутаракани, а значит, и стратегического выхода к Южным морям с покорением Крыма, задача, решение которой было отложено на шесть столетий до «... времен Очакова и покорения Крыма», то есть до правления Екатерины II.

Осталось еще ответить на уже прозвучавший ранее вопрос о причине падения на реке Каяле именно дружины Рыльского князя Святослава, то есть установить, кто несет непосредственно личную ответственность за срыв миссии князя Игоря и планов Великого князя Святослава. Но прежде чем перейти к составлению третьего уравнения задуманной нами системы уравнений, решение которой должно снять все загадки, связанные с походом князя Игоря в Половецкую Степь, скажем несколько слов в адрес Великого князя Святослава, после чего мы с ним расстанемся на страницах данного сочинения.

Вопреки мнению большинства историков и исследователей «Слова», что «Святослав был одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве», смеем утверждать, что такое мнение далеко от действительности, а подтверждает это прежде всего сам автор «Слова», посвятив ему одну из самых замечательных строф своей повести. Противопоставив его ратные подвиги неудачному походу «Святославичей», он воздает должное успехам Великого князя в борьбе с Половецкой Степью, о чем известно даже народам большинства прилежащих к Киевской Руси государств:

Ту немцы и венецици,
ту греци и морава
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жирь во дне Каялы —
реки половецкья, —
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорьъ князь выседе изъ седла
злата,
а въ седло кощиево.
Уныша бо градомъ забрали,
а веселие пониче... —

что в переложении академика Д. С. Лихачева звучит следующим образом:

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы —
реки половецкой, —
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла
золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забрали,
а веселие поникло.

Однако приведенные выше обличительные слова в адрес Святослава принадлежат как раз академику Д. С. Лихачеву, который продолжает: «Вопреки исторической действительности, слабого Киевского князя Святослава Всеволодовича автор «Слова» рисует могущественным и грозным». Полемизируя с академиком-филологом, академик-историк Б. А. Рыбаков, защищая от подобных несправедливых нападок на Святослава, напоминает своим читателям, что: «Только за два года (1184 и 1185) Святославом организовано четыре похода на половцев, и все они завершились победой: половцы были или разгромлены, или отогнаны. Под свои знамена Святослав собирал до полутора десятков разных князей»¹¹⁴.

После вышеизложенной нами версии о подготовке Святославом совместного с половцами похода на завоевание Тмутаракани и прилежащих к ней земель Приазовья и Причерноморья, а также Тамани и Крымского полуострова, оккупированных Византией, перед нами предстает фигура не только весьма успешного полководца, но и мудрого политика и дальновидного государственного деятеля. Святослав точно рассчитал, что успешному походу на северные колонии Византии именно в 1185 году будет способствовать серьезное ослабление этого, ранее могучего государства в непрерывной борьбе с турками-сельджуками, отвоевавшими уже Малую Азию, а также с крестоносцами, 4-й поход которых в 1204 году завершился взятием столицы государства Константинополя, что привело к ее падению.

¹¹⁴ Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., «Молодая гвардия». 1991. С. 111.

Нам не дано предугадать, как сложилась бы судьба как Киевской Руси, так и Половецкой Степи, если бы стратегические планы Великого князя Святослава осуществились. История не терпит сослагательного наклонения, но, как нам представляется, что после укрепления своих южных рубежей и включения в свой состав автономных государственных образований половцев, аланов и других народностей Юга Руси и Предкавказья Великая Русь смогла бы отразить натиск татаро-монгольских орд и не случилось бы того страшного ига, на полтора столетия похоронившего русскую государственность.

Неудачный поход князя Игоря в Половецкую Степь, будучи важнейшей, но только начальной стадией реализации плана Святослава, Великого князя Киевского, явился, таким образом, исходным пунктом движения Киевской Руси к окончательному распаду и погружению ее народов в пучину татаро-монгольского ига.

Несет ли князь Игорь ответственность за это историческое поражение Киевской Руси? Как руководитель похода, безусловно, да, но есть исторически незаметная личность, которая несет не меньшую персональную ответственность за трагедию, случившуюся на реке Каяле в мае 1185 года.

Читатель, впервые ознакомившийся с содержанием поэтического шедевра «Слово о полку Игореве» и не заглянувший пока в комментарий, обязательно сопровождающий любую публикацию «Слова», к своему удивлению обнаружит, что в повести практически отсутствует информация о молодых князьях, участвующих в походе князя Игоря. Если о старшем сыне Игоря Святославича есть единственное упоминание в здравнице князьям-участникам похода:

Певше песнь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пети:
«Слава Игорю Святъславичю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

...то о племяннике Игоря Святославе Олеговиче в повести ни слова. Есть, правда, косвенное упоминание о нем в символическом сравнении князей – участников похода с Солнцем: «...чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти Четыре солнца...». Однако после поражения войска на реке Каяле речь идет уже не о 4, а всего лишь о 2 солнечных светилах, а два князя (полагают, что это молодые Святослав и Владимир Игоревич) обратились не то в «багряные столпы», не то в «младые месяцы»:

«Темно бо бе въ 3 день:
два солнц померкоста,
оба багряная стлѣпа погасоста,
и съ нима молодая месяца —
Олеги и Святъславъ —
тьмою ся повлокоста
и въ мор# погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.

Загадка, да и только. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» дает следующее толкование этой загадки. «Автор «Слова» как бы устанавливает иерархию князей-светил: два старших князя (Игорь и Всеволод) уподобляются двум солнцам, два младших князя (Владимир и Святослав Рыльский) – двум «багряным столпам», а 10- и 8-летний княжичи (Олег и Святослав) – двум молодым месяцам, которые тоже «поволоклись тьмою» (хотя и не участвовали

в походе), как сыновья попавшего в плен князя»¹¹⁵. От такой трактовки легче не стало: во-первых, почему за полтора суток до трагедии никакой иерархии не требовалось – все четыре князя уподобляются Солнцу – и точка. А во-вторых, причем здесь младшие сыновья князя Игоря – Олег и Святослав, – возраст которых на тот момент, согласно другим источникам, 11 и 9 лет соответственно? Если оставшиеся дома два младших сына *«тьмою заволоклись и в море погрузились»*, то почему это не случилось с их еще более младшими братьями Романом и Ростиславом? Тут что-то не так, и подтверждением этому являются неоднократные попытки исследователей расшифровать этот ребус.

Одни считают, что виноват во всем переписчик, который, видимо, спросонья вместо Владимира написал Олега – и никаких вроде бы проблем. Хотя все-таки не понятно, почему к концу битвы снизился статус молодых князей – светил с Солнца до Месяца? Другие пытались для разрешения загадки привлечь князей старшего поколения, а именно деда Олега Святославича (Гориславича) и отца Святослава Олеговича старших князей – участников похода. Так, А. Г. Степанов, анализируя вышеприведенный фрагмент речи бояр, трактующей «мутный сон» князя Святослава, пишет: «Бояре говорят: *«Два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста и с ними молодая месяца»*. Здесь я ставлю точку вместо запятой. И далее: *«Олег и Святославъ тьмою ся поволокосту и в море погрузиста»*. При пунктуации первого издания «Слова» возникает недоумение: какой же это Святослав? Рыльский? Но почему тогда вместо второго «молодого месяца» назван не Владимир, старший сын Игоря, а одиннадцатилетний Олег? Как младший сын, он не мог считаться прямым наследником Игоря. По нашему мнению, Олег и Святослав – это дед и отец героев «Слова» – сильные и влиятельные князья, «столпы», слава которых «померкла» вместе с поражением их внуков и сынов – Игоря и Всеволода, – молодых “месяцев”»¹¹⁶.

Еще не легче, до уровня «молодых месяцев» понижаются уже два основных «Солнца» – князья Игорь и Всеволод, – спрашивается, за что? И куда в таком случае вообще «погрузились» также бывшие солнечные светила – Владимир Игоревич и Святослав Олегович? Впрочем, эта версия Степанова признания не получила (склонялась к этой версии и Л. В. Соколова).

Ясность в эту запутанную ситуацию внес, правда не до конца, академик Б. А. Рыбаков. Прежде всего, он решительно отвергает версию, о которой упоминает Владимирский книжник, что в походе принимали участие младшие сыновья князя Игоря – Олег и Святослав. Академик напоминает, что «в Древней Руси в походы брали княжичей-отроков не ранее чем с 12 лет», в то время как ко времени похода князя Игоря Олегу (Павлу) было 11 лет, а Святославу (Андрею) – 9 лет. «В связи с тем что «померкоста» два солнца (Игорь и Всеволод), «погасоста» два закатных столпа (Святослав Ольгович и Владимир), *юные княжичи в Северной земле – Олег и Святослав – становились полусиротами, их судьба действительно заволокла тьмою»*¹¹⁷.

Опять неувязка: если средние по возрасту сыновья – Олег и Святослав – «становились полусиротами», то почему молчим по поводу «малышей» – Романа и Ростислава, – коим всего-то, похоже, по 7 и 5 лет соответственно.

Предложим следующую версию трактовки этого «темного места» «Слова»¹¹⁸. Прежде всего, согласимся с летописцем, что Игорь взял все-таки в поход «двема» сыновей, а именно Олега и Святослава. Могут возразить, что эти «двема» – Владимир и, скажем, следующий по

¹¹⁵ Л. В. Соколова. Солнце // Энциклопедия «Слова о полку Игореве», СПб., «Дмитрий Буланин», Т. 5. 1995. С. 26.

¹¹⁶ А. Г. Степанов. Сон Святослава и «синее вино» в «Слове о полку Игореве» // Слово. Сборник. – 1978. С. 148–150, 304.

¹¹⁷ Указанное сочинение Б. А. Рыбакова. С. 95–96.

¹¹⁸ Термин «темные места» был введен в научный оборот А. Ф. Малиновским, который при подготовке памятника к изданию 1800 года выписал для себя все непонятное и озаглавил список «Темные места в поэме Игоря».

возрасту Олег; но это не так¹¹⁹. Владимир Игоревич не только шел в поход совершенно самостоятельно, но и возглавлял свою Путивльскую дружину. Ограничение по возрасту сыновей, которых брали князя в поход и на которое ссылается академик Б. А. Рыбаков, в данном случае не действует, поскольку поход был абсолютно мирный – свадебный кортеж. И взял этих сыновей в свадебный поход князь Игорь вовсе не для того, чтобы дети участвовали в свадебных пирах. Мудрый князь Игорь, похоже, с одобрения князя Киевского Святослава строил свои далекоидущие планы. Если в общерусском походе в союзе с половцами будет отвоевано у Византии бывшее Тмутараканское княжество, то сразу встанет вопрос, кого «посадить на стол», на котором последним прочно «сидел» дед Игоря Олег Святославич (Гориславич). Совершенно очевидно, что самая вероятная кандидатура – Игорь Святославич, для которого это будет серьезным повышением, поскольку княжество должно стать форпостом на южных рубежах Киевской Руси с выходом к южным морям. Князем Северским по наследству и старшинству становится Владимир Игоревич, который к тому времени уже обзаведется семьей, женившись на Свободе Кончаковне, и это будет для молодых своеобразным свадебным подарком.

На освободившееся место в Путивль может претендовать следующий по возрасту сын князя Игоря, Олег, о чем и будет объявлено на совете князей по окончании свадебной церемонии. Девятилетнему Святославу рано пока выделять самостоятельный удел, но под патронажем будущего Великого князя Тмутараканского Игоря Святославича и бдительным оком посадника, например Ольстина Олексича, его можно направить в один из городов, отвоеванных у Византии, тот же Сурож или Корсунь. Вот с этой целью и взял князь Игорь в поход двух своих сыновей – Олега и Святослава.

Вспомним троп «гнездо» в загадочной строфе «Слова»: *«Дремлетъ въ пол# Ольгово хороброе гн#здо. // Далече залет#ло!»*, которое может относиться как ко всему войску князей Ольговичей, так и к узкому семейному «гнезду» князя Игоря. Первое значение тропа не проходит, поскольку та часть войска и прежде всего дружина Святослава Олеговича, которая возвратилась с погони, в ночь перед сокрушительным поражением не «дремала», а пировала по поводу сомнительной победы над половецкими подставными вежами да забавлялась с *«красные д#вки половецкыя»*. Не отставали от дружины Святослава и курские *«св#доми къмети»*, которые скакали за дармовой добычей *«... акы с#рыи вльци въ поле, // ищучи себе чти, а князю (сомнительной. – А.К.) слав#»*. Да и чести ли они себе искали? Так и просится истолковать слово «чти» не как «чести», а как искаженное «ч<ас>ти», то есть части добычи они искали, *«... рассушась стр#лами по полю...»*, то самое: *«... злато // и паволокы, // драгыя оксамиты... // и всякыя узорочы половецкыя»*¹²⁰. Награбленного добра столько, что не жалко *«... Орътмамы // и япончицами, // и кожухы // начаша мосты мостити по болотомъ // и грязиевым м#стомъ...»*¹²¹.

«Гнездо» в узком смысле этого слова, то есть семья князя Игоря в этих оргиях участвовать не могла и отдыхала, кроме самого Игоря, который наблюдал за пришедшей в движение Степью. *«Но видим мы бесчисленные полки половецкие – чуть ли не все половцы тут собрались»*, и призывал князей быстрее покинуть гиблое место, куда втянули все войско Игоря безрассудные действия молодого князя Святослава: *«Так поедем же сейчас, ночью...»*. Куда

¹¹⁹ В Лаврентьевской летописи говорится, что Игорь пошел «с двема сынома».

¹²⁰ Паволока – первые издатели «Слова» перевели как «богатые ткани», но может означать также «покров», «пелену», «попону» и вообще «одежду». Высказывались мнения, что под этим словом подразумеваются лишь «шелковые ткани». Оксамит – название ткани. Первые издатели «Слова» истолковали слово не совсем правильно как «бархат». В дальнейшем под оксамитами признали шелковые ткани с изображением геральдических орлов, грифов и рисунками различных зверей, вышитых золотыми нитями.

¹²¹ *«... Орътмамы, и япончицами, и кожухы...»* – Орътма – покрывало, попуна – слово тюркского происхождения. Япончица – накидка, плащ. Кожух – верхняя одежда, подбитая мехом (иногда дорогим) и крытая дорогими тканями (оксамитом, паволокой и др., иногда шитыми «сухим» золотом – золотыми нитями).

там, опьяненные в переносном, да и в прямом смысле этого слова легкой победой, усталые от разбойного преследования воины осознали всю опасность произошедшего лишь утром, но было уже поздно. Хан Гзак знал, кого подлежит уничтожить в первую очередь, поскольку разведка донесла ему, кто особенно «отличился», попав в западню, им устроенную. Половцы методично истребляли слабо сопротивлявшийся полк Святослава, воины которого после пьянки и забав с «красными девками половецкими» не могли противостоять «детям бесовым», которые «...*кликомъ поля прегоридиша...*», а могли лишь пассивно защищаться: «...*а храбрии русици преградиша чрълеными щиты*». В лице Святослава мстил хан Гзак его отцу Олегу Святославичу, который год назад, разгромив его войско, взял в плен его молодую жену и двоих сыновей.

В планы хана Гзака вовсе не входило уничтожение всего Игоревского войска, поскольку он позволил князю Игорю по прибытии к месту сражения хана Кончака беспрепятственно сдать свату в плен большую часть своего войска (свой полк, полк сына Владимира и Ковуев Ольстина Олексича, а также остатки полка Буй Тура Всеволода – всего около 5 тысяч человек): «*Игорь плъкы заворочаетъ: // жаль бо ему мила брата Всеволода*».

В повести ни слова не говорится о дрогнувших ковуях, которых якобы Игорь поскакал заворачивать к месту истребления своего войска. Да, Игорь скакал, но только между станом Кончаковских войск и местом сражения, выводя поочередно уцелевшие полки, которым грозило полное истребление. Он, конечно, не мог знать, что хан Гзак сквозь пальцы смотрел на его действия, и вот почему.

По неписаным законам Степи ему грозило суровое наказание за нападение на свадебный кортеж, который направлялся в юрт самого грозного его соперника – хана Кончака, – о мирных намерениях которого говорил огромный обоз и совсем не угрожающая внешняя атрибутика воинов. Как мы уже отмечали ранее, тяжелое оружие и доспехи, а также «чръленые щиты» находились в обозе, они были предназначены для послесвадебного похода в Тмутаракань. Позволив пленить основную часть Игорева войска, Гзак легко отчитается на большом совете степных ханов половецких, что ничего не имел против свадебного кортежа русских, но они сами напали на «беззащитные» половецкие вежи на пограничье Кончаковского и Гзаковского юртов, за что и поплатились. О трагической судьбе дружины князя Святослава упоминается в «Российской истории» Ф. А. Эмина (1867 год): «Полк Святослава... в несколько минут был весь почти изрублен». Исследователи с недоверием относятся к некоторым фактам, изложенным Эминым (ок. 1735—1770 годов), поскольку неизвестны источники, откуда он брал некоторые сведения, отсутствующие у других историков XVIII века (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Стритер, митрополиты Киприан и Макарий – авторы «Степенной книги»).

Но главное дело было сделано: Гзак блестяще провел операцию по срыву совместного похода русских и половецких воинов хана Кончака по взятию Тмутаракани.

Любознательный читатель:

– Так что же случилось с князем Святославом Олеговичем, летописи об этом молчат. Уж не пал ли он на поле боя вместе со своей дружиной?

– Возможно, что так оно и случилось, поскольку его в конце повести не славословит автор «Слова», что является первым признаком смерти князя. Однако в летописи есть упоминание о том, что князь Рыльский Святослав Олегович преставился в 1186 году. Возможно, что во время сражения он был тяжело ранен и в беспомощном состоянии оказался в плену у хана Елдечука из Вобурцевичей, где и скончался на следующий год¹²². Понятно, что

¹²² Согласно свидетельству Ипатьевской летописи, по окончании битвы на реке Каяле князья-пленники были «распределены» между ханами-победителями в следующем порядке: «Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев,

автор «Слова» без всякой симпатии относился к князю, из-за бездумного поступка которого сорвалась великая миссия князя Киевского Святослава, но о покойниках либо хорошо, либо ничего. Вот почему имя провинившегося князя буквально вычеркнуто из списков героев «Слова».

Князь Святослав Олегович сыграл незавидную роль отрицательного героя, сорвавшего грандиозные планы по укреплению государственности Древней Руси.

Примерно такая же роль выпала через шестьсот тридцать лет на долю Наполеоновского маршала Э. Груши, который не только упустил уготованный судьбой счастливый случай стать героем сражения наполеоновской армии при Ватерлоо (17.06.1815), но стечением обстоятельств стал причиной разгрома самого героя «ста дней». Возглавив одну треть армии Наполеона для преследования отступающей полуразгромленной армии прусского генерала Блюхера, Э. Груши не только упустил опытного генерала, но не набрался смелости вовремя возвратиться к месту сражения, не получив на то личного указания императора. Когда Груши осознал свою ошибку, было уже поздно. Англо-голландские войска под командованием генерала А. Веллингтона и «ускользнувшая» от маршала Груши армия Блюхера практически уничтожили французскую армию.

В заключение настоящей главы сделаем небольшой экскурс по следам «саги» о семейной жизни князя Игоря Святославича (Георгия Николаевича) и его сыновей, принимавших участие в походе весной 1185 года в Половецкую Степь.

Ни в одной из летописей, тем более в самой повести, ничего не говорится о судьбе младших князичей после пленения их отца, князя Игоря, и его старшего сына Владимира. Скорее всего, они тоже были в плену у хана Кончака при своем отце. Однако по поводу дальнейшей судьбы Олега есть подозрения, что он не вернулся из плена, поскольку его имя больше никогда и нигде не упоминается, как это имеет место в отношении его брата Святослава. Возможно, что он даже мог погибнуть в этой кровавой сумятице полуторадневного сражения на реке Каяле, о чем с грустью поведал автор «Слова» «...*молодая м#сяца – // Олегъ и Святославъ – // тьмою съ поволокоста // и въ мор# погрузиста...*». Но младший брат Олега Святослав остался жив, о чем речь впереди... тогда выходит, что с ним погиб его двоюродный дядя князь Святослав? Короче говоря, «темное место».

Прежде чем рассказать о дальнейшей судьбе наследников князя Игоря, вспомним, что в Путивле «на забрале» все это время плачет и убивается Ефросинья Ярославна – жена князя Игоря и мать всех его пяти сыновей. Здесь также своеобразное «темное место» «Слова о полку Игореве». Кто только не упрекал Ярославну за ее бездушие к своим детям. Первым был профессор московской духовной академии Е. Е. Голубинский, который бросил следующий упрек автору «Слова» по поводу плача Ярославны:

«...Тут вот такая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши в первой юности, и однако ее плач ограничивается только мужем, ни словом не касаясь сына, что совсем хороший поэт никак не забыл бы про мать и даже поставил бы ее впереди жены...». Не знал профессор богословия, похоже, о том, что помимо старшего сына в плену оказались еще и два младших сына, тогда бы его упрек в отношении автора песни перерос бы, наверное, в возмущение.

Е. В. Барсов в своей трехтомной монографии о «Слове» как мог оправдывал поэта¹²³:

«Нельзя спрашивать, почему жена плачет о муже, забывая сына, так как одно горе подавляет другое: это обыкновенный психологический процесс».

а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича – Елдечук из Вебурцевичей, а Владимира – Конти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен». *Вобурцевичи, Улашевичи* – русская огласовка названий половецких родов.

¹²³ Барсов Еллидифор Васильевич (01.XI.1836—0.IV.1917) – филолог и этнограф, собиратель и исследователь произведений народного творчества и древнерусской письменности.

На обоих авторов приведенных замечаний обрушился Сергей Лесной (псевдоним Сергея Яковлевича Парамонова) со свойственной ему язвительной манерой обращения к своим оппонентам:

«Прежде чем писать приведенные отрывки, обоим почтенным исследователям следовало бы познакомиться с примечанием на первой странице «Слова» издания 1800 года и сделать соответствующие выводы. Оно гласит:

«Игорь Святославичь родился 15 апреля 1151 года... женился в 118 году на княжне Евфросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичьскаго, а в 101 году скончался, оставив после себя пять сыновей».

Следовательно, князь Игорь женился на Ярославне всего за год до похода, в походе же участвовал сын от первого его брака. Принимая это во внимание, совершенно ясным становится умолчание Ярославной в плаче пасынка, который, вероятно, был ее ровесником и вряд ли питал к ней особенно приятные чувства (известно, что, как правило, пасынки недолюбливают мачех). Горе Ярославны естественно устремлялось только к мужу, с которым она, вероятно, не прожила и года и с которым она была связана взаимной глубокой любовью»¹²⁴.

Следуя иронической манере С. Лесного в полемике со своими оппонентами, в свою очередь, можно сказать, что, критикуя корифеев «Словистики», следует как минимум внимательно прочитать их труды, что в отношении трудов Е. В. Барсова представляет собой непростую задачу. Преодолев же трудности и внимательно изучив его трехтомное исследование «“Слово о полку Игореве”, как художественный памятник Киевской дружинной Руси», наш критик узнал бы, что Евфросинья Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла, была выдана 14 лет от роду за 16-летнего князя Игоря в 1167 году, а в 1169 году у них родился первенец княжич Владимир Игоревич.

Трудно удержаться, чтобы не процитировать романтическую, хотя и с налетом грусти предсвадебную историю Евфросиньи в изложении замечательного писателя Игоря Всеволодовича Можейко:

«К концу лета <1167 года>, когда на кривых, сбегаящих с холмов улочках Новгорода <Северского> желтели упавшие с деревьев яблоки, а на рынке у монастыря торговали с телег зерном, прискакал гонец. Его давно ждали. Едет посольство из Великого Галича, везут невесту для княжича Игоря.

¹²⁴ С. Лесной. Златое слово Руси. Крах антирусских наветов. М., «Алгоритм». 2008. С. 10—12. Парамонов Сергей Яковлевич (189—IX.1967) — биолог-энтомолог – специалист по систематике двукрылых, автор ряда исследовательских книг и статей по истории и литературе Древней Руси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.